

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Ваховский

За чертой

Алексей Ваховский

За чертой

«Автор»

2018

Ваховский А. В.

За чертой / А. В. Ваховский — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-09049-1

Дождь изменил всё - планету, мир и даже немногих выживших людей, которые больше не были царями природы и, уж точно, не являлись венцом её творения. Пришло время новых особей - тех, что лучше приспособились к радиации и вирусу, тех, что научились выживать в жестких условиях и реалиях нового мира... Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-09049-1

© Ваховский А. В., 2018

© Автор, 2018

Содержание

За чертой	5
Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	38
Глава 7	41
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

За чертой

Пролог

Стремительно сгушалась холодная ночь. Ветви деревьев под напором сильного ветра гнулись к серой стене дома. Ветки поменьше хлестали в оконный проем, отбивая только им известную дробь. Большие, но ещё редкие капли дождя звонко барабанили по остаткам металлической кровли, ржавые куски которой еще оставались на своем месте. Угрожающе завывая, ветер усиливался. Он словно пытался оторвать от земли небольшое одноэтажное строение. Просторную комнату с ветхим диваном у стены и очень старым креслом в углу, возле окна, стекло и рама в котором отсутствовали, продувало насквозь. Небольшую прихожую без входной двери захлестывало начинающимся ливнем. Серые, обшарпанные и местами поросшие мхом стены освещал, отбрасывая замысловатые тени, небольшой костер, горевший в дальнем от окна углу.

Гремел раскатистый гром. Молнии, ярко вспыхивая, на мгновение освещали сырую землю и дорогу, ведущую мимо окна дома и перегораживаемую закрытым шлагбаумом в виде ржавой, железной трубы. Осенние грозы, хоть и бывали редко в этих краях, бушевали не на шутку, срывая с деревьев последние красно-желтые листья и ломая мелкие ветки.

– Мля, ну и погодка, мать её, – поежившись в прорезиненной плащ-палатке, сказал парень лет тридцати, сидевший в кресле у окна и периодически поглядывавший в чернеющую темноту.

Сверкнула молния, осветив его бледное, худощавое, давно уже не бритое лицо без признаков интеллекта.

– Успокойся, Малой. Достал ты своим нытьем уже. Без тебя тошно, – сдерживая злость, говорил второй, постарше, в таком же одеянии.

– Да я-то что? Это погода всё хуже и хуже становится.

Сплюнув на пол, он поправил капюшон и выглянул в покосившийся проем окна.

– Слышь, любезный, захлопнись, я сказал! – прикрикнул второй, зыркнув черными, как ночь, глазами.

– Чего ты, Череп? Реально же погода мерзкая. Сам посмотри, – обидевшись промямлил Малой и снова высунулся в проем того же окна, хотя что-либо разглядеть в непроглядной тьме было весьма проблематично.

– И что? Когда ты ноешь, тебе теплее становится? Или тебе надо, чтобы я согласился с тобой и мы дружно попричитали? Или поныли над превратностями судьбы? – чуть не кричал уже Череп, отчего его капюшон съехал набок, открывая короткие седые волосы.

Ему самому все это не нравилось. И погода эта действительно мерзкая, и будка, в которую его сослали встречать возможных незваных гостей, и весь этот затухающий мир, бьющийся в предсмертной агонии.

– Да, погода – говно! Доволен!?! – разошелся он, не в силах уже сдерживать гнев. – И не маячь в окне! Спалишь нас, падла, и я тебя сам лично пристрелю! Понял меня!?

Малой осел, убрав голову из оконного проема, и затих, насупившись. Он кипел, переполненный злобой, но наезжать на Черепа не осмеливался, ибо было это безумно страшно, а главное – бесполезно. Этот и в правду пристрелит, глазом не моргнет даже. И ничего ему за это не будет. Молот не станет даже наказывать за него, за Малого. И братва не будет за него бузить. А вот если он сейчас шмальнет в Черепа, то его разорвут на части. Молот этого никогда не простит. А пристрелить очень хотелось: Череп его ни во что никогда не ставил и с братвой всегда ржал над ним. А вспоминая, как умер Шмель, Малого вообще передергивало от страха.

– Я же не виноват, что все так получилось, – промямлил он тихонько.

Череп глянул на него исподлобья и хмыкнул:

– Я что ли виноват, уважаемый?

– Мы же сделали всё как надо, это Боров со своими лажанул. Завтра наши вернутся и все пучком будет.

– Вот мы и просидим тут до завтра, пока философ твой не вернется. Если вообще вернется, – бросил Череп и уставился на пламя костра.

Дождь усиливался с каждой минутой и все громче барабанил по остаткам металлической кровли. Череп, сидя на продавленном диване, кутался в плащ-палатку и что-то напевал себе под нос, тихонько отбивая ритм ногой.

Вдруг со стороны дороги донесся какой-то странный шум, словно ломаются сухие толстые ветки. Малой вздрогнул, забыв про угрозы старшего, соскочил с кресла и высунулся в окно.

– Что там? – спросил Череп, взяв в руки автомат, мирно лежавший всё это время рядом, на диване.

– Не видно ни хрена, – проямлил тот и спрятался обратно.

Совсем рядом громыхало и сверкало. Природа разбушевалась не на шутку: ветер завывал все громче и сильнее, словно раненный зверь, попавший в капкан. Через пару минут шум повторился, и Малой глянул на напарника, пытаясь не показывать страха, который, несомненно, охватил его.

Череп зыркнул в ответ:

– Посмотри.

– Всё равно же не видно ничего. Я ваще не втыкаю, чего мы тут сидим и жопы морозим. Они же не дураки по ночам шастать, ещё по такой погоде. Да и не пойдут они сюда – не вариант. Им теперь прятаться надо, хавчик искать и ...

– Тебя забыли спросить, делай что сказал. От Борова они именно ночью свалили.

Малой, вздохнув, полез к окну, старательно вглядываясь в темноту. Высунувшись по грудь и пытаясь хоть что-то разглядеть в наступившей ночи, он тихонько материл Черепу, не предполагая, что это его последние мысли. Когда в очередной раз сверкнула молния, осветив дорогу, глаза Малого полезли на лоб от увиденного. Но предупредить старшего он уже не смог, не успел. Грянул гром, и парень упал на спину, дергаясь и извиваясь в предсмертных судорогах с ножом в груди.

– Мля! Малой! Сука!

Череп упал на четвереньки и, перекатившись к окну, прижался к стене. Малой плевал кровью и сучил ногами по деревянному полу с облезлой краской. Его руки тщетно пытались вытащить из груди нож, но вскоре сползли на пол и замерли.

Сверкнула молния, и в дверном проеме мелькнул силуэт.

– Не дергайся. Пристрелю, – раздался спокойный голос.

Череп замер, понимая, что точно не успеет выстрелить первым.

Впрочем, быстро взяв себя в руки и поборов минутный страх, он оскалился, спросив первое, что пришло ему в голову:

– Ты кто такой, а?

– Я смотрю: ты меня не узнал. Ждал кого-то ещё? – спокойно проговорил человек, подходя ближе, но соблюдая при этом безопасную дистанцию.

Снова сверкнула молния, и Череп четко увидел ствол автомата, направленный на него. В тусклом свете костра, он, конечно, узнал этого человека.

– А, это ты, сука! Дошел всё-таки, – сказал Череп тому, кого они с Малым здесь и ждали, но так же, как и Боров, проворонили появление из темноты.

– Дошел. Есть у меня на это веские причины.

Череп сплюнул на пол и криво ухмыльнулся:

– И что же ты не стреляешь? Думаешь умолять буду? Хрен тебе.

– Будешь, Череп, будешь. Брось автомат и, может быть, я не убью тебя сегодня. Может, поживешь ещё какое-то время.

Череп глянул в глаза стоящего напротив человека и криво ухмыльнулся, продолжая сжимать в руках автомат, ствол которого смотрел в потолок.

– И что дальше? Что тебе это даст? – пытаюсь спасти свою жизнь, спросил он.

– Убери руку с рукояти и очень аккуратно, за цевье, положи автомат на пол, – продолжал стоять на своем человек, целясь Черепу в грудь.

Природа продолжала буйствовать, поливая землю, казалось, нескончаемым дождем. Ветер гнул деревья, срывая с них последние листья, и уносил их куда-то в темноту.

– Я жду, – повторил человек.

Глаза его казались пустыми, да и сам он выглядел довольно уставшим. В мокрой камуфлированной куртке, разгрузочном жилете, забитом магазинами, рваных в нескольких местах штанах и грязных армейских берцах, он производил впечатление измотанного, но решительно настроенного воина.

Череп прожигал его холодным взглядом, пытаюсь решить – рискнуть или нет, но направленный на него ствол автомата сильно уменьшал шансы на удачный исход этого риска. А жить ему очень хотелось, несмотря на все обстоятельства, приведшие его сюда. Именно в тот миг, когда смерть действительно дышит в лицо, собственная жизнь становится ценнее золота, невзирая на готовность покинуть этот проклятый Богом мир.

– Стрельба привлечет внимание, и ты уже не уйдешь отсюда живым, – сказал он, пытаюсь образумить стоящего напротив парня и выиграть для себя пару драгоценных секунд.

– Мне больше нечего терять, ты об этом позаботился. Бросай, – сухо ответил тот.

Собравшись с духом, Череп глубоко вдохнул и выдохнул, переведя взгляд на свое оружие...

Глава 1

Месяцем ранее...

– Это как в сказке. Понимаешь? – смеялась она и, нежно поцеловав его в губы, продолжала: – Помнишь, мы читали?

– Помню, конечно, – ответил Павел, хотя понятия не имел, о чем говорила Полина.

Он щурился от утреннего солнца и слушал её ласковый, полный любви голос. Навалившись спиной на старое очень высокое дерево с зелеными до сих пор листьями он любовался ею. Красивая, стройная, полная страсти и любви к нему, к небу, к солнцу. Ангелочек, его ангелочек, его жизнь. Она кружилась в неведомом танце, подняв голову к небу. Раскинув руки в стороны и закрыв свои голубые глаза, она смеялась от захватившего её счастья. Длинные русые волосы девушки поднимались над хрупкими плечами, отблескивая в солнечных лучах.

– Пашка! – нежно кричала она. – Иди ко мне! Паша! Я люблю тебя! Я самая счастливая! Пашка! Этот мир принадлежит нам!

Павел вскочил, откинув старый плед, которым они укрывались, подхватил её на руки и закружил. И вот уже два счастья, две любви, два обнаженных тела, слились воедино в понятном только им танце.

Пожелтевшие уже листья деревьев играли в лучах восходящего солнца. Небольшую поляну на берегу озера наполняло теплом и светом, отражавшимся в счастливых глазах двух влюбленных. Лес вокруг скрывал их от посторонних глаз, и этот небольшой мир, созданный любовью, принадлежал только им.

– Вот бы всегда так было, – шептала она, нежно целуя его губы.

– Так и будет всегда, – отвечал ей Павел и целовал ее глаза.

Он остановил кружение, и увлекаемые инерцией, они, смеясь, упали на одежду, небрежно разбросанную в порыве страсти.

– Ай, блин, – тихо вскрикнул Паша, ударившись спиной о холодный металл.

– Тебе больно, любимый? – искренне забеспокоилась она. – Давай поцелую. Где больно?

– Здесь, – улыбнувшись, показал он на свои губы пальцем, и она прильнула к «больному» месту, страстно целуя.

А солнце поднималось все выше, нещадно пытаясь пробить и так уже изрядно потрепанный озоновый слой планеты.

– Нам пора, счастье моё. А то потеряют нас, – нежно сказал он.

А она, наигранно обидевшись, повернулась на бок спиной к Павлу и шепнула:

– Не хочу, не хочу.

Он повернулся к ней и, нежно обняв, поцеловал в шею.

– Перестань. Ты же не хочешь, чтобы Степаныч за нами группу прислал? И тогда все узнают об этом месте.

– Я шучу, милый. Конечно, я понимаю. Просто, я не хочу расставаться с тобой ни на миг. Понимаешь?

– Понимаю. И я не хочу. Но у меня есть обязанности. И у тебя, кстати, они тоже есть. И к тому же скоро зима. Я тебе ещё надоем своим каждодневным присутствием.

– Глупенький ты мой дурачок, за тринадцать лет не надоел, а за одну зиму надоешь?

– Шучу я. Ты тоже думаешь, что будет одна зима? Думаешь, теперь будет как раньше? – спросил Павел, целуя плечи любимой.

– Как раньше уже никогда не будет, – грустно ответила Полина.

– Я о погоде. Точнее, о временах года.

– Я поняла тебя, Паш. Думаю, что уже всё. Солнце снова с нами. Вспомни лето, зима отступила, и теперь всё будет как раньше.

– Хорошо, если так.

Он погладил ее спину и, легонько шлепнув по голой попе, поднялся.

– Это что сейчас было? – заигрывая, спросила она и улыбнулась.

– Люблю я тебя. Сильно. И её тоже, – показал он рукой на притягивающую взгляд выпуклость ниже спины обнаженной девушки и натянул штаны.

– А что ещё во мне ты любишь?

– Всё. Всю тебя целиком люблю, не разделяя на отдельные филейные части. Хотя некоторые из них иногда хочется съесть. Ну, или, как минимум, покусать слегка, – улыбнувшись, ответил Павел, завязывая шнурки на берцах.

– Думаешь, выкрутился? – ехидно спросила она, прищутив глаза.

– Думаю, да, – ответил он почти смеясь и поднял с лежавшей в желтых листьях черной толстовки калашников. – Милая, нам пора уже.

Павел уже строго посмотрел на любимую, но в его карих глазах искрились любовь и нежность. И она это видела и всегда знала, чувствовала.

– Я знаю. Не сердись.

Девушка нехотя надела джинсы и белую вязаную кофточку, поправила пышные волосы и, посмотрев на безоблачное синее небо, печально выдохнула:

– Так не хочется уходить отсюда. Когда мы ещё вернемся сюда?

– Ты же знаешь, милая, – ответил он, взяв её за руку и поправив автомат на плече.

– Знаю, знаю. После вашей очередной и очень важной вылазки.

Он улыбнулся ей, поправив прядь ее волос за ухо и поцеловал её в губы.

– Пошли? – спросил он, сопроводив свои слова кивком головы.

– Пошли, – хихикнула она в ответ и, вторя ему, кивнула, отчего волосы упали на глаза, и она тут же их поправила.

Держась за руки, они направились к привязанной к одному из деревьев гнедой кобыле, мирно жующей траву неподалеку. В свете солнечных лучей её бока отливали сталью. Паша лихо запрыгнул в седло и, обхватив любимую за талию, посадил её впереди себя. Лошадь шагом направилась по еле заметной тропе через лес, увозя влюбленных навстречу восходящему теплему осеннему солнцу.

Проехав небольшой лесок, они добрались до высокого забора, который огораживал маленькое поселение, насчитывающее несколько одноэтажных домиков, большой коровник и одну землянку. Еще был бетонный гараж с парой старых тракторов и военным грузовиком внутри. Техника уже давно была не на ходу, представляя собой лишь бесполезные ржавые куски металла.

До дождя поселение было скотным двором с приличным поголовьем коров и лошадьми. Население теперь состояло из бывших скотников, подросших за зиму детей-сирот из детского дома, что располагался на другом берегу озера и был давно заброшен, и их воспитательницы. Исключением был лишь Степаныч, приехавший сюда во время всеобщего хаоса и скоро ставший главным среди выживших. Он и организовал на бывшем скотном дворе, которым раньше руководила мать Степаныча, это самое поселение, сумев завоевать уважение оставшихся пятых скотников. Ну а у детей он пользовался исключительным авторитетом, и те, будучи сиротами, считали его не иначе как отцом.

Павел завел гнедую через открытые ворота и, поднимая облако пыли с единственной улицы, направился к дому Степаныча, который раньше был просто складом и находился в северной части скотного двора. Проехав мимо коровника с девятью коровами и двумя быками, он высадил девушку и, пришпорив лошадь, умчался дальше.

Народ, коего в общем было немного, еще только просыпался под громкий лай Лики и Джека, исправно несших службу по охране периметра вместе с караульными. Павел остановил лошадь у одноэтажного домика, огороженного невысоким забором из ржавого профнастила, и привязал поводья к столбу, бывшему раньше электроопорой. Здесь, на краю поселения, было совсем тихо, лишь пение пташек и редкое мычание коров, выгоняемых на пастбище, нарушало эту утреннюю тишину.

Поздоровавшись кивком головы с караульным на вышке Сергеем и погладив собаку, радостно вилявшую хвостом, Паша вошел внутрь двора. Старший сидел, как и обычно в это время, за столом, стоявшим посреди яблоневого сада, и корпел над картой. Деревья снова плодоносили, несмотря на долгую зиму, и плоды их нависали над столом, наполняя воздух сладким пьянящим ароматом.

Степаныч – крепкий, рослый, около двух метров мужик лет сорока пяти, одетый в камуфляжную куртку поверх потертой тельняшки, что-то отмечал карандашом и, делая записи в старом блокноте, изредка почесывал седую бороду. Он поднял голову и посмотрел на вошедшего парня и, улыбаясь, кивнул на скамью, стоявшую с другой стороны стола.

– Здорово, Паш, садись, – пробасил он, прокашлявшись.

Павел пожал протянутую руку и присел, положив автомат на край стола.

– Ты в прошлую вылазку колючку вроде видел, – с ходу начал Степаныч.

– Видел. Там склад какой-то есть недалеко от моста. Она в рулонах там и валяется, правда, ржавая неслабо. Вот здесь, – ткнул пальцем в карту Паша.

Отворилась калитка, и во двор вошел Митя, один из выживших скотников, лет шестидесяти, невысокого роста в кирзовых сапогах и фуфайке поверх серой рубахи, заправленной в черные штаны. Он поздоровался со всеми, присел рядом с Пашей и снял кепку, ослепив двор бритой наголо головой.

– Нам бы сюда ее привезти и периметр усилить. Скоро зима, и твари уже приглядываются к нам из леса, с южной стороны. Миша видел их, когда стадо пасли. Серёга, правда, не заметил ничего, но Мухтар, вел себя подозрительно. Всё в лес смотрел и рычал, как зверь ошалевший. Так что при наступлении холодов могут и напасть. Пока всё тихо, но лучше перебдеть, чем недобдеть, – продолжил старший поселения.

– Я понял. Привезем, если никто еще не добрался до неё, – кивнув, ответил Павел и задумался, ведь именно там, располагалось их с Полиной тайное место.

– Кто? – удивился Митя и, не скрывая досады, добавил: – Нет никого больше. Кто в дождь не погиб, умерли зимой. Да и от радиации, кто помер, а кто... Ну ты понял. Сам знаешь, получше меня.

Паша снова кивнул и, привстав, сорвал яблоко, обтер его о свою толстовку и откусил сочный плод.

– Я все-таки думаю, что тут ещё и вирус какой-нибудь роль свою сыграл. Ну, или и то и другое вместе, – сказал Степаныч, глянув на Павла, который уже собрался уходить, чтобы отправиться в город.

– Разве это важно теперь? – спросил он.

– Понимаешь, когда после всего мы с Ваней в город мотались, они все ещё были людьми. Напуганными, агрессивными, но обычными людьми. А сейчас... Ну, не может радиация так сильно повлиять на человека за такой короткий период времени.

– Степаныч, какой прок от этих разговоров теперь? Вирусологов больше нет. Вообще, кроме них, никого нет. Мы, может, одни на всей планете остались, – сказал Митя, уставившись на старшего.

– Может, и одни. Как думаешь, Паш?

– А чего тут думать? Наверняка ещё где-то выжили и не превратились в этих обезумевших тварей.

– В Америке что ли? – ухмыльнулся Митя.

– Не обязательно, хотя и это не исключено. Может, в Китае, или в Африке. Там, может, и не было зимы, климат другой там, – ответил Степаныч.

– А, кстати, да. Может, ты и прав. Там всегда тепло было.

– Ну, мы поехали тогда что ли? В обычном составе? – устав слушать бессмысленный разговор, спросил Павел.

– Генка рвется с тобой, – вдруг сказал Митя.

– Не мал он ещё? Генка-то твой?

Степанычу это явно не понравилось. Геннадий, внук Мити, был пухлым шестнадцатилетним юнцом, но мнил себя взрослым, да и гонору в нем было немало. Старшего он никогда не считал авторитетом да и работать особо не любил – дед за него всегда отдувался.

– Не мал. В самый раз. Пусть опыта набирается.

Степаныч вопросительно посмотрел на Пашу, и тот нехотя кивнул.

– Вроде, уже давно всё спокойно проходит, без нервов. Только если он подчиняться приказам не будет, я его одного назад отправлю, ещё и морду набью.

– Ну, ты это... Не гони на него. Морду он набьет, – начал было Митя защищать внука, но Степаныч резко прервал его.

– Митя! Если заслужит, я ему еще и здесь добавлю. Так что проводи с ним основательную профилактическую беседу. Или вообще не поедет он никуда.

Митя осекся и кивнул, а Паша, доедая яблоко, сказал:

– Через час у северных ворот. Двойной боекомплект и противогаз пусть не забудет.

Митя, кряхтя, поднялся и вышел, а Степаныч напутствовал:

– Ты там тоже без лишнего гонора с Генкой. Вместо кого он будет, решай сам. И вообще, осторожней. Если что, патронов не жалейте, запас ещё есть. Телегу Митя подготовит, колючку нагрузили и назад. Понял? Без лишнего риска.

– Я понял, Степаныч. Не первый раз. Будем осторожны. Вместо Андрюхи Гена поедет, хоть и не нравится мне это. Ты, кстати, счетчик нам выдели, а то мало ли чего.

Павел доел яблоко и бросил огрызок к забору. Степаныч ушел в дом и вскоре вернулся, держа в руках счетчик Гейгера.

– Заряжен полностью. Ты там посмотри, может, ещё что полезное увидишь. Топоры там, пилы, стройка-то кипит. В общем, все как обычно. И осторожнее. На Гену сильно не дави, пацан ещё, но и спуску не давай. Бить разрешаю, но аккуратно, без синяков и переломов.

Павел кивнул, забрал дозиметр и, взяв со стола свой автомат, направился к калитке.

– Пайки у Петровны! – вдогонку крикнул Степаныч.

Паша, не оборачиваясь, ответил:

– Я помню!

Покинув двор старшего, он отвязал гнедую кобылу и запрыгнул в седло. Не спеша проехал к общинному дому, бывшему раньше чем-то вроде конторы, где сейчас жили практически все выжившие. Войдя внутрь этого большого двухэтажного дома, не огороженного забором, Паша громко крикнул:

– Санёк!

Пройдя по коридору прямо, он устремился в последнюю комнату, где и проживал по соседству с другом.

– Сашка! – крикнул Павел, открыв дверь. – Давай живее! Хорош дрыхнуть! Нам пора.

Тот подскочил с кровати, протирая заспанные голубые глаза, не совсем понимая, что происходит и куда в такую рань его тащит друг.

– В город едем. В телеге доспишь. Давай собирайся по-быстрому.

Павел открыл свой шкаф, стоящий напротив большого зашторенного окна, и достал с полки восемь снаряженных магазинов. Бросив их на свою кровать, стоявшую рядом с Саши-

ной, надел разгрузочный жилет и распахнул в него боекомплект. Счетчик Гейгера он убрал в подсумок для рации, которой у них никогда не было, надел на голову камуфлированную бейсболку. Саша проделывал те же процедуры, только бубнил что-то недовольно.

– Я – за пайками, а ты – к северным воротам. Сань, слышишь?

– Да слышу я, блин, слышу. Мы обычным составом?

– Андрюха с нами не едет. Только Лёха.

– Мы что ли втроем? Почему? – удивился Саша, надевая и застегивая разгрузку.

– Гена с нами, четвертым, – обреченно выдохнул Паша.

– Кто!? Генка!? Нафига он нужен-то, блин? Дебил доморощенный.

Павел закрыл дверцу шкафа и, молча выдохнув, укоризненно посмотрел на друга.

– А чё? Не прав я что ли? Дебил же. Мерзкий притом, – чуть спокойнее уже сказал Саша, распахивая магазины по подсумкам.

– Степаныч просил. Опыт ему тоже нужен. Может поумнеет.

– Гена? Поумнеет? Ты сам-то слышал чё сказал? Поумнеет он, блин.

– Хорош, Санёк. Поживем – посмотрим. Так, а Лёха у нас где?

– Он же в карауле с утра был.

– Бардак, блин. Ладно, значит, он уже по форме. Противогаз не забудь. Все, давай к воротам.

– Может, ну его нафиг этот противогаз? И так тяжелые едем. Еще ни разу не пользовались ими, Гейгер же у тебя есть, – ворчал Саша.

– Надо, Саня. Надо. Лучше пусть он будет и не понадобится, чем понадобится и не будет, – ответил Павел и направился к двери.

Он быстро выскочил из комнаты, чуть не столкнувшись в коридоре с ещё одним обитателем их дома, Андреем, который и должен был быть четвертым в группе.

– Ты чего как ошпаренный, Паш?

Андрей был одет по форме, так же, как и сам Павел, только без противогаза.

– А ты-то куда?

– Да, Митяй прибежал, передал, что Степаныч велел Лёху заменить. На вылазку вроде он. С тобой что ли?

– Ага. Ну хорошо тогда. А то я уже обратно к Степанычу собрался. Лёхе передай, что мы у северных ворот ждем.

– А чего меня не берешь с собой? Втроем что ли идете? – вдруг спросил Андрей.

– А мы, блин, Гену четвертым берем. Опыт ему нужен, мля, – издеваясь, ответил, подошедший Саша и ухмыльнулся, явно довольный собой.

Андрей удивленно сдвинул брови и уже через пару секунд хохотал, держась руками за живот. Его смех подхватил Саша и по дому разлетелся дикий гогот.

Павел подождал минуту, давая возможность успокоиться бойцам и сказал:

– Хватит уже. Я рад этому не больше вашего. Мне разрешено ему врезать, если что.

– Только тебе? – заинтересованно спросил Саша, продолжая смеяться.

– Только мне. Всё. Погнали.

Павел умчался к Петровне, которая заведовала продуктами и находилась в столовой, что напротив коровника. До дождя здание было хранилищем молока, и сейчас как нельзя лучше подходило для хранения немногочисленных съестных запасов, тех, что ещё оставались после зимы и вновь заготовленных за лето. В коровнике заведовала Полина, а значит, он ещё раз сможет увидеть её, пока Петровна пайки готовит.

Заскочив в столовую и крикнув высокой, худощавой женщине о провианте, Павел рванул к любимой. Там всюю кипела работа. Денис с Мишей выгоняли коров на пастбище под чутким руководством Марины и Полины. Трава еще не пожухла и стадо гоняли пастись к югу, неподалеку от поселения. Мухтар, находившийся днем и ночью рядом с коровами, лаял и бегал

вокруг, не давая скотине разбрестись кто куда. Павел поздоровался со всеми и отозвал любимую в сторону.

– Мы скоро в путь, милая. Дня на три-четыре, не больше, – сказал он, когда Полина подошла ближе.

Она была сиротой, жила в детском доме, расположенном на другом берегу озера, и до дождя Павла не знала. Первый раз они и встретились в тот роковой для планеты день, когда весь мир рухнул в пропасть, когда погибла цивилизация и человечество перестало существовать в привычном понимании этого слова.

– Береги себя, пожалуйста. Я буду скучать и переживать, – грустно сказала она, шмыгнув носом, и обняла любимого.

– Не волнуйся, не первый раз, – улыбнулся Павел и поцеловал ее в губы.

Ему казалось, что Полина очень похожа на его маму, и даже голос такой же мягкий и нежный.

– Все равно, осторожнее будь. Обещай мне.

– Обещаю, – ответил он, глядя в ее голубые, как у мамы, глаза.

Своего отца Павел не помнил, он бросил семью за пару лет до всемирной катастрофы, и мама постоянно была занята, пытаясь заработать как можно больше, чтобы ее сын выглядел не хуже других детей, чтобы одежда модная и брендовая была, телефон последней модели, хотя и прежний был совсем нестарый и вполне даже рабочий.

И где это все теперь? Ни матери, ни телефона. Лишь воспоминания, которые стираются постепенно, и даже лицо мамы превратилось в образ. А много ли нужно человеку для жизни? Камуфляж, еда и автомат. Это сейчас, а тогда, в прошлом мире, хотелось другого. И телефон этот модный, и одежду красивую, и школу престижную. А зачем? Все это пыль, которую нещадно смыл огненный дождь.

– Полина! – закричала Марина, провожавшая стадо одна. – Сашке привет от меня передай, – улыбнувшись добавила она, обращаясь уже к Павлу.

Тот кивнул и обнял любимую.

– Я побежала, милый. Будь осторожен, – с тоской проговорила Полина и, прижавшись к нему, нежно чмокнула его в щеку.

– Беги, счастье мое. Мне тоже уже пора, – ответил он и проводил ее взглядом.

Стадо уже дошло до конюшни, которая была у открытых уже настежь южных ворот, и девушка побежала следом за ним.

– Паша, – позвала его Петровна, выглянув в окно.

Павел перешел улицу и через минуту принял четыре больших свертка и четыре армейских фляжки с белыми крестами из медицинского пластыря.

– Как обычно? – спросил он.

– Да. Вам хватит. Воды не забудьте набрать, – указала Петровна на фляжку, висевшую на поясе Паши, и добавила, отходя от окна, – бутыл в телегу Митяй положил. Удачи вам, мальчики. Поосторожнее там.

Павел кивнул и, взяв под уздцы гнедую, пошел к северным воротам поселения.

Глава 2

У ворот уже стояла телега, в которой полулежал Саша, слегка прикрыв глаза, явно собираясь проспать, как минимум, половину пути. На поводьях лошади, запряженной в телегу, сидел Гена и счастливо улыбался. Небольшого роста, пухлый, несмотря на свой юный возраст и длинную, не очень сытую зиму, с хитрым прищуром черных глаз, он выглядел довольным и сам себе казался важным, то и дело поправляя автомат на покато плече.

Павел бегло осмотрел его и строго спросил:

– Противогаз где?

Улыбка исчезла мгновенно с лица Гены, он начал что-то мямлить, но Степаныч, стоявший рядом, сурово рявкнул:

– Бегом!

Юнец соскочил с телеги и умчался в сторону своего дома, где он с дедом и проживал. Домом это строение можно было назвать с большим трудом: он скорее напоминал благоустроенный сарайчик, приспособленный для жизни в летнее время.

Паша поздоровался с Алексеем, восседавшим верхом на огненно-рыжем коне, и свалил в телегу свертки с пайками и фляжки с крестами. Алексей – рослый парень двадцати пяти лет, широкий в плечах и сильный, наклонился к телеге и забрал одну из фляжек. Он сунул ее в подсумок разгрузки и поправил серую бейсболку, из-под которой торчали светло-русые волосы, слегка закрывающие карие глаза.

– Сань, воду проверь в бутылке.

– Полная, Паш. Проверил уже, – ответил тот и взял другую фляжку с крестом, убрав ее в подсумок.

Павел сделал то же самое и, оседлав гнедую кобылу, проехал к самым воротам. Поравнявшись с Алексеем, он, улыбнувшись, посмотрел на друга и сказал:

– Тебе, кстати, привет передали.

– Кто? – удивленно спросил Саша, искренне не понимая, от кого этот самый привет.

– Сам знаешь, не маленький, – отмахнулся Павел.

А Саша слегка нахмурился, пытаясь сообразить, о ком идет речь.

– Ну, с Богом, парни. Вань, открывай, – сказал Степаныч.

Ворота со скрипом открылись, выпуская группу наружу.

– А Генка? – возмутился Митя, который пришел проводить внука в его первую вылазку.

Стоя рядом со Степанычем, он хотел уже перекрыть путь собой.

– Догонит. Ноги есть, – остановил его Степаныч и тихонько, чтобы тот не услышал, пробубнил себе под нос, – может, похудеет.

Всадники отправились в путь по накатанной за лето колее на старой грунтовой дороге.

Паша оглянулся и поторопил бегущего за ними Гену:

– Бегом, бегом!

Трехметровый бревенчатый забор скрывал дома и людей внутри периметра от посторонних диких глаз. Вышки у обоих ворот создавали ощущение безопасности и прибавляли солидности поселению. Сергей, находясь на северной, махнул им рукой и продолжил наблюдать за берегом озера и окрестностями.

Вспотевший и запыхавшийся Гена, догнав группу, плюхнулся в телегу. Саша тут же передал ему поводья и перебрался назад, намереваясь всё-таки доспать. Всадники перешли на рысь и стали приближаться к большому озеру, на песчаном берегу которого две женщины стирали белье под охраной Антона, вооруженного автоматом. Обменявшись с ним приветствиями, люди двинулись к лесу, видневшемуся в паре километров.

– Могли бы и подождать, – отдышавшись, буркнул обиженный Гена.

– Могли бы, – спокойно ответил ему Павел и громко скомандовал: Смотреть в оба, парни!

До трассы грунтовая дорога вела через лес и разрушенную деревню Чеховку, давно уже опустевшую. После дождя из неё так никто и не вышел, все живое там погибло. Сильная радиация окутала брошенные дома, и грунтовкой этой никогда больше не пользовались. Приходилось сворачивать налево и делать крюк по полю, объезжая стороной опасное место.

Поселение, за долгие годы ставшее для всех родным, скрылось за поворотом, и группа направилась к старому шоссе. Опасная Чеховка находилась справа, в паре километрах от черного, мертвого леса. Оттуда постоянно доносились странные звуки, на которые никто уже не обращал никакого внимания. Никто, кроме Гены, тревожно поглядывавшего в сторону черного леса.

– Что это, а? – обеспокоенно спросил он, снимая с плеча автомат.

– А ты сбегай, посмотри и нам заодно расскажешь потом, – смеясь, сказал Саша и лег на спину, удобно расположившись на мягком сене и прикрыв глаза рукой.

– Если выживет, то обязательно расскажет, – поддержал издевку Алексей и хохотнул в голос.

Геннадий же не обращал внимания на подколы со стороны старших товарищей, продолжая сжимать рукоять автомата.

– Хорош, парни, – вступился за него Павел и обратился уже непосредственно к Гене: Опустим автомат, сломаешь.

– Не, ну а что это? Кто там? Там же всё мертво. Откуда звуки? – не унимался он, ерзая на козлах телеги и не опуская автомата.

– Да не знаем мы, угомонись.

Паша начинал нервничать. Гена никогда ему не нравился. Скользкий он какой-то, с гнильцой парень. И вроде плохого – то он не сделал никому, но было в нем что-то отталкивающее. А может, ему просто завидовали остальные выжившие сироты, поскольку только у него был родной, кровный человек. И он всегда этим пользовался, а дед часто ему потакал, баловал. Степаныч же относился ко всем детям одинаково, разделяя их лишь на мальчиков и девочек.

– Может, пальнуть туда, а?

– Я тебе пальну щас, твою мать! Заткнись и рули кобылой! Пальнет он, блин! – прикрикнул на него Павел, не желая больше слушать глупые вопросы юнца.

Гена замолчал, насупился и, опустив автомат, взялся за вожжи. Группа шагом продвигалась в обход непривычно темного леса, в котором даже птицы не пели, да и вряд ли были они в этом лесу. Единственные звуки, наполнявшие этот мрачный лес, это то ли вой, то ли жалобный крик, доносящийся из брошенной деревни. Все бывшие скотники их поселения были родом из этой самой Чеховки, но после дождя там стало смертельно опасно находиться и с тех пор никто туда не совался. Выживших из этой деревни тоже никто никогда больше не видел. Да и вообще, других выживших людей никто не видел после зимы ни в городе, ни в окрестностях, куда удавалось пройти, минуя радиацию.

Проехав злосчастный участок пути в обход Чеховки, всадники вновь ускорились, перейдя на рысь. Лошадь легко тянула за собой пустую, если не считать двух человек, телегу, и спокойно следовала за всадниками впереди. Через пару километров группа пересекла разбитую, с остатками асфальта, шоссе дорогу и, отделившись от нее на пару сотен метров, остановилась. Устроив короткий привал и наскоро перекусив, чем Петровна послала, все собрались ехать дальше.

Гена взялся за вожжи и посмотрел назад. Саша запрыгнул в телегу и усаживался в ней сзади, когда со стороны Чеховки что-то треснуло громко и звонко, так, что ударило по ушам. И вслед за треском раздался жуткий, громкий, похожий на волчий вой. Протяжный и страшный, он наполнил воздух тошнотворным запахом тухлых яиц. Через несколько секунд все стихло и мир накрыло зловещей тишиной, в которой даже ветер боялся шуметь листвой деревьев.

Саша едва успел пригнуться, как Гена с диким криком и ужасом, застывшим на его перекошенном от страха лице, вдруг начал стрелять в сторону брошенной деревни. Рожок быстро опустел, а обезумевший Гена продолжал давить на спуск, дико крича и визгливо вздрагивая. Саша внезапно врезал ему правой, отчего тот, всхлипнув и выронив автомат, упал с телеги на землю и затих. Павел неодобрительно посмотрел на друга, а тот лишь пожал плечами.

– Да, я тоже обделался, но стрелять-то нахрена было!? Я еле пригнуться успел!

– Я же сказал. Только мне можно, Сань.

– Только тебе!? Да он же чуть башку мне в фарш не превратил, блин! Я же говорил: дебил! – негодовал Саша, Глаза его горели от гнева и недавнего испуга.

– И я, – после недолгого молчания спокойно сказал Алексей.

– Что ты? – не понял Паша.

– Обделался я. Жутко стало.

– Но ты же не стрелял, – оправдывая свой хук справа, говорил Саша.

– Да, я тоже, слегка. Мля, что это было? По ушам всем ударило, или только мне? – спросил Павел, спешившись и проверяя пульс на шее Гены.

– Мне тоже, – закивал Саша, спрыгивая с телеги.

– И мне, – подтвердил Алексей и указательным пальцем коснулся своего левого уха.

– Валить надо нахрен отсюда. Сань, грузи этого и автомат не отдавай ему, пока я не скажу. Лёха, помоги ему.

А сам Паша, пригнувшись, побежал к обочине шоссе и осторожно выглянул, оставаясь в кювете. Ничего необычного он не увидел. Черный, безжизненный лес метров через триста. Пустая, местами заросшая дорога в обоих направлениях, и ничего... Тишина и пустота...

Заслышав сзади шаги, Павел, развернувшись, резко упал на спину и вскинул автомат.

– Ты чего? Успокойся, блин. Я сам на нервах. Чего там?

Паша выдохнул и опустил оружие, а Алексей стал выглядывать, чтобы лично убедиться в отсутствии опасности.

– Ничего вроде. А, Паш? Ты видел что-нибудь? – спросил он, вглядываясь в лес.

– Нет. Но это не значит, что там ничего или никого нет. Кто-то же выл. И выл довольно страшновато. Гена аж с катушек съехал.

Алексей спрятался в кювет и, глянув на Пашу, спросил:

– Валим?

– Валим, – согласился тот, и оба бегом рванули к обозу.

Саша, завидев бегущих к нему друзей, вскинул автомат и тревожно закричал:

– Чё там!? Чё!?

– Да ничего вроде, – ответил, подбежав, Паша.

– А чё бежите-то тогда? – опешил Саша, переводя взгляд с одного на другого.

– По тебе соскучились, – ответил Алексей и, отдышавшись, оглянулся в сторону Чеховки.

– Шутник, блин, – выдохнул тот и опустил оружие.

– Этот что? Не убил хоть воина? – запрыгивая в седло, спросил Павел и показал на лежащего в телеге Гену.

– В отрубе. Нормально приложил, блин. Очухается скоро, но голова будет болеть. Возможно, сильно будет болеть. Блин, тяжелый он не по годам, Геннадий наш. Откормил его Митяй. Нафига мы вообще его взяли, а? Лучше бы втроем поехали, блин. От него же пользы нет никакой. Только возня одна, блин, – ворчал Саша, злобно глядя на тело, мешком лежащее в сене.

– Всё, Сань. Утомонись уже. Не пришлось бы с ним возиться, если бы ты его не вырубил.

– Да он же, чуть башку мне не снес, дебил, блин.

– Мы помним, Сань. Башка, фарш, блины. Потом Степанычу всё расскажешь. Валим отсюда. Нам до темноты доехать надо, – скомандовал Павел, когда Алексей, посмеиваясь над товарищем, запрыгнул в седло.

Обоз спешно двинулся дальше, к лесу, всё отдаляясь от старого шоссе. Всю дорогу через поле друзья то и дело тревожно оглядывались назад, но ничего необычного за их спинами не происходило. Укрывшись в красно-желтом, осеннем лесу, группа продолжила движение вперед.

Когда до города оставалось пару часов пути, очнулся Гена и сразу же начал стонать. Удивительно, но он не помнил того, что стрелял, и хука справа тоже не помнил или делал вид, что не помнил.

– Я уснул что ли? – вполне серьезно спросил он.

Алексей с Павлом ехали впереди и, заслышав, Гену, переглянулись.

– У тебя крышу снесло, парень. Ты начал стрелять куда не попадая, мы тебя и вырубали, чтобы в нас не попал ненароком.

Павел намеренно сказал «мы», чтобы у того не возникло желания застрелить обидчика. В то, что Гена ничего не помнил, ему верилось слабо.

– Еще раз потеряешь контроль над собой – я тебя сам пристрелю, – добавил он.

Юнец сник, хотя поначалу хотел было возмутиться. Фингал под левым глазом Гены заметно синел, и тот то и дело жаловался на головную боль и ныл, что забрали его автомат.

– А если нападут? А я защищаться не смогу и вам не смогу помочь, – жалобно причитал парень.

Его хотелось пристрелить уже всем. Особенно Саше, который, нервно играя скулами, косился на своё оружие. Павел уже миллион раз пожалел, что взял этого горе-воина с собой вместо Андрея. Он думал о том, что все выскажет Степанычу, когда они вернутся: «Пусть он лучше коров пасет, хотя и там от него мало пользы будет. Значит, пусть с дедом строительством занимается и не переводит зря боезапас, который не бесконечен».

Вскоре впереди, через просветы между деревьями, замаячили серые остовы полуразрушенных зданий города. Проселочная дорога здесь выходила на разбитую грунтовую. И хотя ее не тронул огненный дождь, выглядела она не лучше шоссе, что осталась позади. Гена вдруг замолчал, чем немало обрадовал остальных. Он впервые видел эти остатки цивилизации: руины жилых домов и производственных зданий, ржавые остовы машин, бетонные обломки стен и человеческие останки в виде белеющих на солнце костей. Осенний лес, радующий взор яркими красками, сменился вызывающей отвращение окраиной мертвого города. Гена с интересом и неподдельным страхом смотрел вперед, забыв про свой автомат и головную боль. Широко раскрыв глаза, он не мог оторвать взгляд от серости впереди.

– Это город? – зачарованно спросил юнец.

– То, что от него осталось, – ответил ему Саша и остановил телегу.

Паша с Алексеем спешили и, встав рядом, на пальцах разыграли, кто идет первым.

– Опять, блин, я, – недовольно буркнул Алексей и залез на коня.

– Судьба, Лёха. Судьба. Давай аккуратно, брат. Прикрываем. Если что, гони назад. Не геройствуй. Хватит нам одного героя уже, – наставлял друга старший группы.

Алексей кивнул, не поняв, кого он имел в виду, и, сняв с плеча автомат, взял его в руки. Павел, присев на одно колено, прицелился в угол ближайшего полуразрушенного здания метрах в трехстах от них. Саша спрыгнул с телеги и проделал то же самое, только на прицел взял остатки шоссе, что проходило справа. Гена нервно сжимал вожжи и всматривался в лес, готовый в любую секунду бежать от опасности. Он сам уже тысячу раз пожалел, что напросился на вылазку в мертвый и опасный город. Несмотря на отношение к нему, Гене, действительно, хотелось быть полезным. Он завидовал парням, которые, как ему казалось, ничего не боятся. Юнец надеялся, что, столкнувшись с реальной опасностью города, сможет побороть в себе

страх и заслужить уважение в поселении. Он обязательно спасет жизнь этим троим (или хотя бы одному из них) и вернется домой героем.

Алексей не спеша двинулся вперед. Его рыжий конь с огненной гривой словно пылал в лучах заходящего солнца, светившего поверх деревьев. Бойцы не впервые прибыли сюда. Они проделывали подобные операции уже не раз, и всё всегда проходило удачно, без эксцессов. Но после того жуткого воя у шоссе внутри поселилось чувство тревоги, даже страха. Еще и вместо Андрея Гена, который не прикроет, если что. Ему и оружие-то страшно теперь в руки давать, начнет опять стрелять в белый свет, понапрасну тратя патроны.

Алексей продолжал движение к полуразрушенному зданию, осторожно выбирая путь среди бетонных обломков и торчащих из-под земли кусков арматуры. Именно в этом разрушенном здании, которое раньше было то ли магазином, то ли складом, им и предстояло заночевать. Он добрался до стены и свернул за угол, скрывшись из виду.

– Раз патрон, два патрон, – начал считать Павел.

Птицы пели как и обычно, радуясь теплоте осеннему вечеру. Дул слабый приятный ветерок, слегка наполняя лес шумом желтеющих листьев и тихим шепотом ещё зеленой травы.

– Двадцать три патрон, двадцать четыре патрон... – продолжал счет Павел.

Он, в отличие от всех остальных, жил в этом городе раньше, ещё до дождя, когда был ребенком, когда ещё мир был прежним. Тем самым миром, со своими странными ценностями и законами, со своим, кажущимся сейчас непонятным укладом и безумной суетой. Всегда спешащие куда-то по вечно важным делам люди, машины. Мир, полный движения. Мир, в котором была жива мама...

– Сань? – не поворачивая головы, спросил Павел.

– Всё тихо, – так же не отрывая взгляда от шоссе, ответил Саша.

– Сорок пять патрон, сорок шесть, – продолжал считать Павел.

В телеге, нервно сжимая вожжи, сидел Гена и, забыв о большой голове, поглядывал назад. Его пугало всё: взмах крыльев птицы, резкий порыв ветра – и даже вздрагивание лошадей бросало его в мелкую дрожь. Впервые увидев остатки ушедшего мира, он испытывал страх. И не потому, что был трусоват (хотя и поэтому тоже), а потому, что вид этих остатков был удручающим. Серые обломки стен, изрядно поросшие мхом, черные остовы машин, сухие деревья с голыми обгоревшими стволами, белые обглоданные скелеты людей ужасали горе-воина. Впереди он видел лишь кладбище, гробницу погибшей цивилизации.

– Девяносто семь патрон, девяносто восемь патрон, девяносто девять...

– Блин, да где он, мать его? – нервно, но тихо бросил Саша, переживая за товарища.

Алексей вышел из-за угла здания и подал сигнал, подняв правую руку вверх.

– Наконец-то, – выдохнул Павел и поднялся, отряхивая колено.

– Все нормально? – спросил Гена, переживающий скорее за себя, нежели за Алексея.

– Расслабься и выдохни, – успокоил его Саша и запрыгивая в телегу, добавил: – Двигайся назад, я порую.

Гена, послушно отпустив вожжи, отполз на четвереньках. Паша двинулся первым, осторожно выбирая дорогу так, чтобы за ним могла пройти телега. Солнце уже садилось, играя в осенней листве леса, что остался позади и уходил левее.

– Чего так долго? – недовольно спросил Павел, подъехав к углу здания.

– Я же успел, да? До ста успел?

– Успел, успел, – буркнул старший, слезая с лошади и вручая поводья Алексею.

Тот увел гнедую в здание через огромный пролом в стене с северной стороны, а Павел под уздцы повел лошадь, запряженную в телегу. Гена, открыв рот, смотрел на мертвый разрушенный город, простирающийся до самого горизонта и тонущий в лучах заката. Кое-где виднелись высокие здания. Порой даже они казались целыми и нетронутыми, только с пугающе черными глазницами пустых оконных проемов. Но в основном всё было разрушено и местами

даже поросло зеленью. Природа не терпит пустоты и забирает своё, то, что когда-то отняли у неё люди.

Павел завел лошадь с телегой внутрь пустого здания, в котором было уже темно, и свернул направо. Пройдя вдоль стены, он уверенно пошел вперед к Алексею, разводившему костер в закутке, возле лестничной клетки, под уцелевшим полом второго этажа.

– Приехали, парни, – сказал он и остановился неподалеку от двух других лошадей, стоящих у западной стены.

– А где тут колючка? – удивленно произнес Гена, озираясь по сторонам.

– Ослеп что ли? Вот она. Грузи давай, блин, – недовольно бросил Саша.

Гена искренне удивился:

– Не вижу. Где?

– В Караганде, блин. Ты меня достал уже, де...

– Саня! – не дал договорить ему Паша.

– Чё опять, Саня? – недовольно буркнул тот.

– Ты сегодня кашевар. Гена, покорми лошадей. Лёха со мной, осмотримся, пока совсем не стемнело.

Саша недовольно зыркнул на Гену, вздохнул и достал из телеги походный котелок. Павел прошел в закуток, где находилась лестница и шагнул на ступени. Алексей последовал за ним со словами:

– Не вижу ничего уже. Как ты-то видишь, а, Паш?

– Так же. Просто, не первый раз уже тут. Пошли.

Они поднялись на третий этаж, где им пришлось передвигаться пригнувшись. Крыша здания угрожающе обвисла и, казалось, вот-вот рухнет, похоронив под собой людей. Но Паша уверенно продвигался вперед, туда, где кровля уже упала на пол третьего этажа.

Добравшись до окна по бетонным осколкам, он выпрямился во весь рост и глянул вниз, в сторону леса и той злосчастной деревни.

Мелькнула тень. Где-то в лесу, между деревьями. Большая, а с ней несколько поменьше. И тут же затрещал счетчик, указывая на наличие радиации.

– Что за фигня? – удивленно спросил Алексей, не заметивший тени в лесу, поскольку не имел такого зрения, как у Паши. – Здесь же никогда не было радиации раньше,

Дозиметр умолк, не протрещав и минуты. Тени ушли на восток, в сторону шоссе, и пропали из виду. Павел, стараясь не выдать волнения, быстро направился к противоположной стене и, высунувшись из окна, посмотрел на правый, восточный угол здания.

– Ты чего? – взволнованно спросил Алексей, сжимая в руках автомат.

– Осматриваюсь я. Нормально всё. Ты иди вниз и отдай Генке его автомат.

Алексей удивился такой команде, но вида не подал.

– А ты? – спросил он.

– Я ещё посмотрю.

– Не видно же уже ни хрена.

– Лёха, иди. И сильно не расслабляйтесь там. Я скоро.

– Понял тебя.

Алексей почти на ощупь пробрался под упавшей плитой и скрылся, спускаясь вниз по лестнице. Павел еще раз осторожно выглянул в окно. Всматриваясь в даль, он снова увидел их, только уже дальше, за шоссе. Их было пять. Одна очень большая и четыре поменьше. Похожи на собак, только очень большие. Они словно прятались от человека, как будто знали или чуяли, что он их видит.

Солнце сменилось тусклой луной, и стало совсем темно. Темно для всех людей, но не для Павла. Собаки не уходили и под покровом наступающей ночи следили за ним. Именно за

ним. Они не просто смотрели в сторону здания, они смотрели прямо на него, втягивая носами воздух.

– Кто вы, мать вашу так? – тихо прошептал Паша, не отводя от них взгляда. – Я вас вижу, темнота вам не поможет. Советую не лезть.

Как бы глупо это не выглядело со стороны, он решил их предупредить. И словно в ответ ему раздался все тот же жуткий вой, и воздух снова наполнился этим тошнотворным запахом сероводорода. Ударило по ушам, и Павел инстинктивно прикрыл их руками, стараясь не закрывать глаза. Секунд через пятнадцать вой стих, и резко наступила тишина, которая оглушила своей пустотой. Убрав руки от головы, Павел увидел, как самая большая тень опустила морду вниз.

– Так это, значит, ты так воешь. Не напугаешь, не потей зря, псина, – сказал вслух Павел, хотя страх уже прочно засел в нем.

– Паша!

Крик снизу прервал его монолог с тенью собаки, и Паша поспешил к оставшимся внизу товарищам. Быстро спустившись по лестничному пролету на первый этаж, он увидел в свете костра лежащего в углу, поджав колени, Гену, хныкающего и зажимавшего уши руками. Через его пальцы сочилась кровь и, стекая к подбородку, капала на пол. Саша пытался успокоить лошадей, что-то шепча им. Алексей с двумя автоматами держал на прицеле пролом в стене.

– Лёха, расслабься. Я думаю счетчик на них отреагировал, поэтому мы узнаем, если они приблизятся.

– Кто они? – спросил Саша.

– Чего ты там увидел-то? – спросил Алексей.

– Собаки. Или волки, хрен их разберёшь теперь. Пять штук. Выла самая здоровая. Они сейчас за шоссе сидят. Когда счетчик сработал, они были метрах в трехстах от нас. С этим-то опять чего?

– Да хрен бы с ним, с дебилом. Чё за собаки там? Как ты увидел-то их вообще?

Саша просто выпытывал информацию, подойдя к Павлу и глядя ему прямо в глаза.

– Пока ещё светло было, заметил.

– Что делать-то будем? – спросил Алексей, не опуская автоматы и не переставая держать на прицеле пролом.

В воздухе висел аппетитный запах гречневой каши, варившейся в котелке.

– Есть будем, – ответил Паша и сел на деревянную скамью, которую они сколотили, собрав не прогнившие доски, еще весной, во время самой первой вылазки.

– Есть? – хором удивились парни.

– Ну да, есть. Чего непонятного-то? Ветер с их стороны дует. Они нас не чувят, надеюсь.

Паша положил оружие на колени и выудил из разгрузки ложку из нержавеющей стали. Недолго думая, друзья присоединились к нему и принялись уплетать горячую пищу, не забывая поглядывать на вход. Гена так и лежал в углу, возле телеги, но уже тихо, без всхлипов. Кровь перестала течь, и он, широко открыв глаза, смотрел на огонь.

– Садись, поешь, – позвал его Алексей.

Тот спокойно поднялся и на дрожащих ногах подошел к костру. Окровавленное лицо пугающе блестело в слабом свете огня.

– Умойся, Ген. Руки и лицо. Вода в бутылке, – негромко сказал Паша.

Тот послушно сделал то, что велел старший. Затем сел напротив остальных и нехотя начал есть. Павел, подойдя к телеге, порывлся в соломе и достал фляжку Гены с белым крестом.

– Хлебни, – сказал он, протягивая ее юнцу, – поможет.

Тот, солидно отхлебнув, слегка поморщился и отдал фляжку. Ее пустили по кругу и через минуту вернули владельцу. Гена, не проронив ни слова, убрал ее в подсумок разгрузки, немного успокоившись, начал кушать.

– Дежури́м как обычно: Саня, я и потом – Леха. Следить за входом и слушать счетчик. Он теперь наши глаза снаружи.

– А я? – робко спросил Гена, вытирая ложку о штаны и пряча ее в разгрузочный жилет.

– Ты спать. У тебя кровопотеря большая и слабое сотрясение. Не выдержишь. Всё. Спать, пацаны.

Саша, забрав дозиметр, пробрался к противоположной стене и сел напротив входа, только чуть ближе к костру, на старое жесткое кресло, которое нашли здесь же еще в первую вылазку. Гена плюхнулся в телегу и, зарывшись в сено, мгновенно под воздействием алкоголя уснул. Остальные, обняв каждый свой автомат, устроились у огня на снятых на втором этаже дверях офисных помещений.

Сон не шел. Павел ерзал на жесткой, несмотря на брошенные сверху куски затхлой ткани, двери, стараясь сильно не шуметь, но это не очень получалось. Минут через десять он услышал недовольное бурчание Алексея.

– Задолбал ты, Паша. Хрен поспишь с тобой.

Павел замер и снова попытался уснуть. Но тревожные мысли и вой, который до сих пор звенел в голове, мешали как и прежде. Ещё Полина... Мысли о ней никогда не покидали его. Он безумно любит эту очаровательную девушку. Так же сильно, как и она его. И это потрясающе: на обломках погибшей цивилизации строить новый, другой мир. Их мир, где нет войн, суеты и прочего хлама ушедшего мироустройства, в котором бумага стоила дороже человеческой жизни. Нет, их мир будет другим. Любовь, нежность, домик, детишки, яблоневый сад во дворе, качели, детский смех, любимые глаза...

– Паша, проснись, Паша, – тряс его за плечо Саша.

Павел все-таки уснул и сам не заметил как. Он поднялся, протер глаза и, подхватив оружие, спросил:

– Все в норме?

– Да. Тихо всё. Держи Гейгера. Я спать хочу, жуть просто, глаза залипают уже.

Паша побрел к месту наблюдения, не забыв подбросить дров в костер, а Саша, заняв его нагретое место, еще что-то бубнил, но уже в полудреме.

Ночь не была для Павла темной. Он неплохо видел в темноте с тех самых пор, когда прошел дождь. Тот самый дождь, что уничтожил города и страны, прокатившись по планете огненной волной и смыв человечество, как грязь, с лица. Дождь, который сжег леса, выплеснул моря и океаны, утопив остатки цивилизации. Дождь, от которого нет зонта. Дождь, от которого спаслись лишь единицы. Дождь...

Павел смотрел вперед на опустевший, мёртвый город, где когда-то он жил с мамой. В памяти остался только её образ. Сиреневое платье, белые туфли на высоком каблуке, золотой браслет в виде дракона, вроде бы, на правой руке. Лица мамы Паша не помнил, только длинные русые волосы, голубые глаза и... И всё. Только размытый образ красивой женщины. Образ... Ни одной фотографии не осталось, ни вещей маминых. Ничего... Одни воспоминания, да и те уже стали смутными и больше походили на сон, забытый сон о прошлой жизни, как будто и не было её никогда. Все давно мертво кругом, а что не мертво, то стало очень голодным и очень опасным.

Тоска прочно засела в голове Павла. Ему повезло, он выжил. Когда начался дождь, маленький Павлик гостил у бабушки, в Чеховке, которой тоже больше нет. Все скотники раньше жили в той деревне, у многих из них погибли родные люди. У всех там остались дома (если не смыло их). А на скотном дворе им посчастливилось(или не посчастливилось) быть по работе. Именно это их и спасло, и Гену в том числе, бывшего тогда с дедом.

Близился рассвет, глаза слипались, веки становились свинцовыми. Пора будить Алексея, его черед дежурить. Паша поднялся, распрямился, размял затекшие ноги и побрел к костру,

где мирно спали его товарищи, обнимая своё оружие. Тихонько растолкав Алексея и вручив ему дозиметр, Павел завалился спать.

Глава 3

Щебетали птички, радуясь теплым, ещё солнечным дням. Под их звонкое, бодрое пение и проснулся Павел, сразу увидев пустую телегу. Он нехотя поднялся, тряхнул головой, чтобы взбодриться, и глянул на Сашу. Тот мирно дрых, свернувшись калачиком и негромко похрапывая. Солнце уже взошло и хорошо освещало разрушенный мегаполис. Предстояло двигаться дальше, туда, где Паша видел колючую проволоку.

Алексей сидел на посту в кресле и, завидев старшего, поднялся навстречу.

– Где Геннадий? – спросил Павел, потирая заспанные глаза.

Алексей пожал плечами и зевнув, сказал:

– Не выходил. Наверху, наверное. Больше негде.

– Буди Саню, собираемся. Я наверх, осмотрюсь.

Алексей кивнул и потопал к костру, который уже догорел и лишь горячие еще угли веяли теплом. Паша поднялся по лестнице на третий этаж и, как и предполагал Алексей, нашел там Гену. Тот замороженно смотрел из окна на мертвый город и даже не заметил приближающегося Павла.

– Нашёл чего? – спросил, подходя ближе, Паша.

Гена не вздрогнул, не дернулся, а значит, все-таки заметил старшего боковым зрением.

– Нет. Не нашел. Я просто смотрел.

– Движение было?

– Нет. Всё тихо. Только птицы, – отрешенно отвечал Гена, продолжая смотреть вперед.

– Нам пора, Ген. Пошли.

– Подожди, – повернулся юнец и посмотрел прямо в глаза Павлу.

– Ну. Говори уже. Некогда резину тянуть.

– Я знаю, вчера я показал себя плохо, но, пожалуйста, дай мне шанс.

– Посмотрим. Пошли, – вздохнув, ответил Паша и повернулся к лестнице, намереваясь уйти.

– Не говори деду, пожалуйста. И никому не говори, я тебя прошу, Паш.

Павел повернул голову на Гену и понимая, что слава разлетится по их маленькому поселению в один короткий миг, задумался на минуту.

– Паш, – умоляюще просил юнец, готовый исчезнуть, провалиться, испариться, только бы никогда этого не было: ни вылазки, ни воя, ни стрельбы, вообще ничего.

– Возьми себя в руки, боец. Мы не на прогулке, здесь бывает опасно. Если больше не облажаешься, то никто ничего не узнает. Всё останется между нами четверьмя. Договорились?

Гена радостно закивал и хотел даже обнять Пашу, на что тот шагнул назад и пресек эти нежности. Смягчившись, сказал:

– Тормози, парень. С девушкой обжиматься будешь. Пошли уже. И следи за собой. Мы рассчитываем на тебя, не забывай это.

– Я не подведу, вот увидишь, – заулыбался Гена, радуясь, что ему все-таки дали шанс доказать свою мужественность.

– Очень на это надеюсь, Ген. Пошли.

Они проползли под плитой и спустились вниз, где их уже ждали.

– Грозный Геннадий, – издеваясь, приветствовал Саша, стоя возле пролома.

– Сань, хорош. Автомат верни ему, – пресек подколы друга Павел.

– Паш, ты серьезно? А если он опять...

– Без если, – резко прервал его Паша.

– Он у Лёхи. Лёха уже снаружи.

Саша недовольно зашагал к выходу, где уже верхом на своём рыжем коне восседал Алексей. Гена проследовал за ним и остановился около верхового.

– Отдай ему его оружие, – выходя наружу, сказал Павел, и Алексей лишь удивленно пожав плечами, вернул автомат владельцу.

Гена, повесив его на плечо, запрыгнул в телегу и взялся за вожжи. Саша уже сидел на соломе сзади, держа оружие наготове. Паша лихо оседлал свою гнедую и оглядел всех. Затем посмотрел вперед и, подняв руку, указал на северо-восток.

– Нам, приблизительно, вон туда. Там склад или что-то типа того. Смотрим в оба, про собак не забываем, про остальных тоже, – и, глянув на Гену, добавил, – в пустоту не стреляем. Слушаем счетчик, у него теперь две функции. Я двигаюсь впереди, Гена – за мной, Лёха – замыкающий.

Павел осторожно начал приближаться к дороге, за которой ночью прятались собаки. Яркое солнце светило в лицо, и это сильно мешало: слезились глаза и приходилось постоянно их тереть. Слева всё чаще стали появляться белые кости людей, привычно вписываясь в городской пейзаж.

Дозиметр молчал. Но Паша знал: дальше, возможно, излучение и опасные места придется обходить. Те несколько километров, что им нужно преодолеть, могут перерасти в десять, а то и больше. Но торопиться нельзя, да особо и некуда, в запасе весь световой день. К вечеру они должны вернуться обратно в это здание, уже давно ставшее их привычной базой.

Вылазки приходилось совершать несколько раз в месяц, в зависимости от погоды. Все-таки трудно было обходиться без некоторых благ погибшей цивилизации. Зима отступила, и те немногие, кто выжил, пытались наладить жизнь заново и сделать ее максимально похожей на прежнюю.

Ветровой генератор с перебоями, но работал. Правда, электричества хватало не на многое, и распределял его строго Степаныч. В основном вся полученная энергия уходила на подзарядку счетчика Гейгера и одного фонарика, который каким-то чудом ещё слабо светил.

Найти что-то полезное удавалось редко. Что не сгорело – то сгнило, а что не сгнило – фонило так, что подходить близко, порой, было страшно. Но все же вылазки не были напрасными, хоть и поначалу казались бессмысленными. Особенно после того, как погиб один из бойцов, Борис.

Радиация была не единственной, чего стоило опасаться. В городе после дождя остались люди, и излучение, а может, и вирус их сильно изменили за прошедшие годы. Многих настолько сильно, что человека в них распознать, порой, было сложно. Они превратились в агрессивных тварей, которые нападали и убивали, чтобы съесть. Всё просто: выжившие стали дичью, но дичью опасной, вооруженной. Обычно всегда отбивались легко, даже от стаи, благо, недостатка в патронах пока не было и стрелять умели все. Степаныч за долгую зиму об этом позаботился и научил всех обращаться с оружием.

Добравшись до шоссе, группа свернула налево и медленно пошла на север, петляя между остатками машин. Они, загромоздив дорогу, стояли черные и ржавые, грузовые и легковые, сгоревшие вместе с людьми, которые не смогли или не успели выбраться. Их обугленные скелеты так и оставались внутри машин и производили ужасающее впечатление на Гену, находившегося здесь впервые. Паша, ехавший впереди, внимательно смотрел по сторонам, выискивая возможную опасность. Зрение позволяло заглядывать в темные проемы разрушенных зданий, подвалы и завалы. Именно из таких мест и нападали иные, обычно мелкими стаями.

Иные – измененные радиацией или вирусом, или тем и другим вместе, люди и редко собаки, которых не съели долгой зимой. Ещё встречались мутанты, но уже реже. Те были больше человека, сильны и быстры, очень опасны, но действовали поодиночке. Такой вот монстр и напал весной на Бориса, просто разорвав бойца пополам. Мутанта убили, с трудом, но убили. Сотня пуль его свалила. Еще с десятков контрольных в уже не подающее признаков

жизни тело. Павла передергивало каждый раз, когда он вспоминал тот бой с огромной злобной тварью.

Запищал счетчик как и обычно около ржавого автобуса с множеством белых скелетов внутри. Паша поднял левую руку вверх, и группа повернула направо, к небольшой речушке, протекавшей через город. Домов здесь почти не было, только обугленный пролесок и детская площадка, через которую и прошла группа, направляясь к складским ангарам впереди.

На детские скелеты уже нельзя было спокойно смотреть. Сердце сжималось и хотелось выть каждый раз, когда они шли этим путем. Такая же площадка была возле дома Павла, и если бы он не уехал к бабушке, то, как знать, может, вот так же лежал бы сейчас на ней. А может быть, изменившись до неузнаваемости, охотился бы сейчас на выживших.

Дождь не щадил никого: ни старого, ни малого, ни женщин, ни мужчин, ни богатых, ни бедных, ни маму... Перед ним оказались все равны, невзирая на многочисленные религии и политические убеждения.

Полина была похожа на маму, как казалось Паше. Во всяком случае, постепенно стирающийся из памяти образ мамы все чаще вытесняло лицо любимой. Хорошо это или плохо, Павел не знал, но так происходило. Отсутствие фотографий и тяжелые долгие зимние годы выживания делали свое пагубное дело.

Лесопосадка закончилась, и впереди снова замаячил мертвый город, окутанный угнетающей тишиной. Наверное, так сейчас по всей планете: и в Америке, и в Китае, везде. Дождь шел чуть больше суток, и досталось всем, невзирая на границы. Пока жив был еще радиоприемник в первые годы «зимы», Степаныч тщетно пытался поймать хоть чей-нибудь сигнал, хоть на каком-нибудь языке. Но радиоэфир был мертв, как и сама планета.

Со стороны речки вдруг что-то зашумело, нарушая тишину мертвого города. Непонятно, негромко, но казалось совсем рядом. Сердце ушло в пятки, холодный пот и сбивающееся дыхание выдавали испуг. Павел, вскинув автомат вправо, остановил гнедую. Группа замерла следом, но ничего необычного не происходило.

– Лёха, смотри слева, – негромко сказал Паша, опасаясь атаки с другой стороны, и, как оказалось, не зря.

Выстрелы раздались сразу же, едва Павел успел договорить. Слева бежали иные, некоторые, словно собаки, на четырех конечностях. Алексей стрелял очередями, выбивая брызги бурой крови из мчащихся на них тел. Быстро спрыгнув с телеги и встав на колено, Саша тоже открыл огонь.

– Гена, держи речку! – крикнул Паша, стреляя по стремительно атакующему противнику.

Иных было не больше двух десятков, но внезапность была на их стороне. Они ужасающе быстро приближались, издавая ревушие гортанные хрипы голодными ртами.

– Мля! Сука!!! – сквозь выстрелы было слышно, как орал Саша, перезаряжая автомат.

Не больше пятидесяти метров оставалось преодолеть иным. Каждый из бойцов бил в своем секторе, отстреливая нападающих. Бежать бессмысленно. Спешка может привести к худшим последствиям. Мертвый город оглушала стрельба, разрывая кладбищенскую тишину. Короткими очередями Павел стрелял в иных в своем секторе огня. Почти все пули достигали цели, все-таки страх быть разорванным на куски, несомненно, присутствовал. Твари падали одна за другой. Последний иной, а точнее иная, упала в паре метров от телеги и задергалась, пытаясь дотянуться до Саши.

– Тварь! Сдохни уже, сука! – злобно крикнул он и всадил в нее остаток магазина.

Тварь затихла. В воздухе стоял запах пороха, крови и мочи.

– Гена, мать твою! Я тебе нафига оружие вернул!? – кричал Павел, разозлившись не на шутку.

Гена, вжавшись в телегу всем телом и пытаясь зарыться в сене, что-то бормотал, но автомат из рук не выпускал.

– Эй, боец! – ткнул его автоматом Саша и подобрал с земли пустые магазины.

– Пожалуйста. Я хочу домой. Пожалуйста. Домой, домой, домой, – завыл тот, продолжая зарываться еще глубже.

– Два рожка расстрелял, – сказал Алексей, вытирая с лица пот.

– И я два. Паш, а ты? – спросил Саша, ткнув Гену еще раз в бок.

– Тоже. Почти.

– Чё делать будем? – кивнул на Гену Саша, перезаряжая оружие.

– Ничего, – отрезал Паша, убирая пустой магазин в разгрузку.

Алексей как обычно спокойно молчал, делая вид, что его вообще не интересует, что будет с Геной.

– Лёха, ты чё думаешь? – не унимался Саша, поглядывая на трупы иных.

– Паша пусть думает, мне-то что.

Иная возле телеги лежала обнаженной, раскинув конечности в стороны. Обрывки одежды кое-где висели лоскутами. Кожа, грязная и жесткая, вызывала отвращение, кровь под ней растекалась в стороны, и земля тут же впитывала её. Лицо бывшей когда-то женщины было без губ и вследствие облучения вытянулось вперед, ещё не как у собаки, но уже как у обезьяны. Челюсти с черными зубами застыли в вечном теперь оскале. Открытые желтые стеклянные глаза смотрели в чистое синее небо словно в ожидании чего-то.

– Поехали, Сань, рули за мной.

– Я в обоссанной телеге с этим чудом не поеду!

– Саня, выкинь солому и садись. Потом. Все потом, – нервно выпалил Павел, поглядывая в сторону реки.

Саша, недовольно бурча и матерясь, бросил солому на иную и брезгливо сел на козлы.

– Прикрывальщик, мля, недоделанный. Врезать бы тебе ещё пару раз, блин, – злобно процедил он в сторону Гены, а тот отполз назад и, сжавшись в комок, продолжал бормотание о доме.

– Вперед, – в обволакивающей снова тишине негромко сказал Паша и двинулся дальше.

Глава 4

Небольшая улочка, что шла вдоль реки, была относительно свободной от остатков машин. По ней и продолжала движение группа людей, обходя завалы и воронки, заполненные водой. Через побитый асфальт, который и до дождя был таковым, пробивались мелкие кустарники с уже пожухлыми листьями. Слева, угрожающе наклонившись, стояла десятиэтажка с выбитыми стеклами и оплавившимися пластиковыми рамами окон. Продвигались аккуратно и тихо. Машин становилось больше, а вместе с ними белеющих на солнце скелетов, лежавших на тротуарах и газонах.

Все началось в теплый солнечный выходной. На улицах было много людей, большинство из которых, вместо того чтобы попытаться спастись, решило понаблюдать за красивым смертельным дождём. В этой части города все просто сгорело от высокой температуры. В один миг – все сразу, доля секунды – и всё, смерть. Дома выжгло огнем, оставив лишь пустые бетонные коробки. Заверения правительства об отсутствии опасности сделало своё дело. Паники на улицах почти не было, только смерть...

Павел помнил, где его дом: совсем недалеко отсюда, за мостом, на том берегу реки, в пяти километрах примерно. Так и не был он после дождя там ни разу, боялся чего-то. Хотя Паша, конечно, знал, чего именно он боялся. Только один раз он решился дойти, но всё же испугался и развернулся. Именно так он и наткнулся на колючую проволоку, за которой они сейчас и ехали.

Склад находился на этой стороне реки, почти у моста, и оттуда уже легко можно было разглядеть их с мамой «свечку», как раньше называли эту шестнадцатиэтажку из-за её высоты.

– Не-е-е, колючка и назад, – тихонько проговорил он себе.

Ехавший сзади Саша услышал:

– Чё? Паш, чё говоришь?

– По сторонам, говорю, смотри. Вон, слева. Почти дошли уже.

В километре от них, где заканчивался длинный десятиэтажный дом, стоял небольшой ангар, огороженный рабицей, от которой мало что осталось.

– Паш, а ведь шум был со стороны реки сначала, а напали слева, – вдруг сказал Саша, косясь на речку.

– И что?

– Кто там шумел и почему не напал? Мы ведь без прикрытия с той стороны остались, Геночка в штанишки делал в это время.

– Сань, откуда я знаю? И узнавать не горю желанием, – отрешенно ответил Павел, глядя вперёд.

– Эй, дебила кусок! Видел там чего? Может, ты поэтому и нассал в штанишки-то, а, блин?

Гена, молчавший до сих пор, снова начал подвывать:

– Домой. Пожалуйста, домой. Я хочу домой.

– Вот какого хрена ты его тронул? – обернувшись и недовольно посмотрев на друга, спросил Павел.

– А может, он реально что-то увидел, – поддержал Сашу Алексей.

– Может, и увидел, не знаю. Укроемся в здании склада и поговорим с ним, если выть перестанет, – ответил старший и повернулся вперёд.

Группа проезжала мимо дома, завалившегося на бок, часть которого угрожающе нависла над дорогой.

– Он не рухнет на нас? – с опаской глядя на крышу дома, спросил Саша.

– Домо-о-ой, домо-о-ой, пожалуйста, – завыл Гена.

– Если до сих пор не упал, то с чего ему сейчас это делать? – спокойно спросил Алексей. И в этот же миг раздался треск. Короткий и громкий, как выстрел.

– Вперед, быстро! – заорал Павел и пришпорил кобылу.

– Но-о-о!!! – орал Саша, заскочив левыми колесами на тротуар и пытаясь убраться от падающего дома.

Повозку обогнал Алексей.

Десятиэтажка рухнула. Упала ровно туда, где несколько секунд назад была телега.

Пыль, поднявшись, окутала плотной пеленой всю группу, и бойцы остановились, кашляя и протирая глаза. Лошади фыркали и мотали головами, резко выдыхая оседающую пыль.

Счетчик затрещал, и Паша крикнул:

– Противогазы!!!

Спешно вынимая противогаз из сумки, закрепленной на поясе, Паша попытался проморгать. Глаза слезились и, казалось, были забиты пылью. Он не видел Алексея, находившегося в двух метрах слева, хотя слышал его кашель, приглушенный противогазом. Гейгер отчаянно трещал, но куда двигаться дальше, Павел не видел.

– Стоим на месте! – скомандовал он, крутя головой и пытаясь хоть что-то разглядеть.

– Не вижу ни хрена, – прокашлявшись, сказал Саша.

Не слышно было только Гену, и Паша уже подумал, что того накрыло обломком.

Пыль не без помощи ветра постепенно рассеивалась, и впереди проявлялись очертания длинного дома, за которым и находился склад. Алексей стоял рядом слева, Саша – сзади, Гены в телеге не было. Павел глазел по сторонам, надеясь увидеть его, но юнец пропал.

– Гена!!! – крикнул Паша так громко, что Саша вздрогнул и оглянулся.

– Где он? – в никуда спросил он, и ему никто не ответил.

Находиться в зоне излучения было крайне опасно, и Павел, понимая это, скомандовал:

– Уходим! Вперед!

Облучиться никто не желал, и все без промедления проехали вперед, подальше от опасного места. На подходе к складу счетчик Гейгера замолк и группа остановилась. Павел, объехав телегу, вернулся назад и вглядывался в сторону рухнувшего здания, пытаясь заметить движение, но Гены нигде не было. Пыль почти осела: все видно стало достаточно хорошо. Паша снял противогаз и, убирая его обратно в подсумок, громко крикнул:

– Гена-а-а! Мы здесь!!! Гена!

– Ты щас всех иных сюда созовешь. Похрен на него. Пользы ноль всё равно, – пытался успокоить его Саша, опасливо оглядываясь назад.

– Он наш. Понимаешь? Он наш, даже если он говно. Наше говно. Сука. Генка, мля! – снова крикнул Паша и, не дождавшись ответа, развернул лошадь к складу.

– Саня прав. Орать тут опасно, Паш, – поддержал Алексей Сашу. Тот, согласившись, закивал и снял противогаз.

– Ладно, блин. Поехали, – уже спокойно сказал Паша, и группа двинулась дальше, преодолевая последние сотни метров до складского забора.

Павел и Алексей периодически оглядывались назад, но в оседающей пыли никто не появлялся. Сгинул, пропал парень, как и не было его вовсе. Автомат валялся в соломе, а самого его нет. Исчез юнец.

Подъехав к забору, возле которого лежал перевернутый грузовичок, Паша спешил и осмотрелся по сторонам. За забором, метрах в двадцати, стояло серое здание склада с проломленной восточной стеной. Крыша уцелела и здание, в основном, тоже. Справа, на просторной парковке, стояло несколько ржавых фур, так и не успевших загрузиться товаром.

Паша вгляделся в темноту помещений и, не увидев ничего подозрительного, пошел вперед. Он снял с плеча оружие и уверенно, но осторожно продвинулся к пролому. Слева стоял дом, а за ним – полуразрушенная школа с расплавленной табличкой. В школьном дворе скеле-

тов не было видно. В выходной день детей здесь не было. Павел дошел до поросших кустарником стен склада и обогнул кирпичи, валявшиеся рядом в траве. Взглянув в темноту и увидев, что все чисто, Паша махнул рукой, чтобы остальные следовали за ним, а сам вошел внутрь.

Вдоль стен стояли полупустые стеллажи с картонными коробками, из которых вываливались серые оплавленные пластмассовые ящики. Дверь напротив провала была открыта, окна отсутствовали. Следов пребывания тварей в здании Павел тоже не заметил. Войдя в следующее помещение, он увидел проволоку в рулонах. Она, местами сильно проржавевшая, лежала слева у стены.

Дождавшись, когда группа достигнет склада, Паша позвал Алексея и, указав на проволоку, сказал:

– Я дальше проверю, а вы грузите потихоньку да по сторонам не забывайте смотреть.

– Не видно же ничего, – возразил было товарищ, но, понимая, что старший его не слушает, а уходит дальше, позвал Сашу.

Во избежание сюрпризов проверить предстояло все помещения, и Павел осторожно, глядя под ноги, шагал к следующему проходу, что находился справа. Зловоние пробивалось из-за висевшей на нижней петле двери, выходящей в коридор. Толкнув ее, Паша отпрянул назад, матерясь вполголоса. Тесный и темный коридор был завален гниющими трупами людей. Таких Паша ещё не видел. Обычно были только кости, без плоти, а здесь в телах погибших копошились белые опарыши, вызывая отвращение и тошноту. Казалось, что трупы шевелились от ползающих по ним паразитов. Видимо, сюда не добрались иные и мутанты, и мертвецы просто разлагались после долгой зимней заморозки. Люди, пытаясь спастись, бежали наружу, но, оказалось, – к смерти, которая их встретила в темноте мрачного коридора, завалив обломками стены.

Дальше Павел решил не ходить. Дверей больше нет, поэтому нет смысла проверять, да и крайне противно пробираться по людской плоти. Когда он вернулся к своим, те, матерясь, таскали тяжелые рулоны с колючкой и грузили на телегу. Для этого лошадей завели внутрь и поставили рядом с проволокой. Хотя тащить было недалеко, но Саша материл Гену на чем свет стоит, и по маме, и по папе.

– Сука, мать его. Как таскать, блин, так он пропал, падла. Щас назад поедем, так он и нарисуетя, скотина. Вот тут-то я ему фингал и отретхую.

Алексей лишь хихикал над ним, и Паша, услышав ворчание друга, вдруг тоже негромко захохотал.

– Чё ржете-то? Чё, не так что ли? Он же бесполезное создание, блин. Полный ноль. Чуть башку мне не прострелил, гнида. Если бы я, блин, не пригнулся...

– Мы помним, Сань. Блины, фарш и блины с фаршем, – хохотал Павел.

– Он уже на базе, небось. Или со страху до дома домчался, к деду, блин, под крыло, – продолжал ворчать Саша, закидывая рулон в телегу.

– Блины с фаршем, – улыбался Алексей, натужно волоча проволоку.

Саша ещё долго ругался, но видя, как друзья потешаются над ним, обиженно буркнул:

– Да ну вас, мля.

Павел принялся помогать, и через час телега была загружена полностью. Свободными остались только козлы да небольшой ящичек впереди. Друзья присели отдохнуть на завалившийся у самого пролома стеллаж, вытирая пот после трудной работы.

– Я схожу, проверю, – отдохнув, сказал Паша и поднялся, повесив автомат на плечо.

– Этого будешь искать? – презрительно бросил Саша, тяжело дыша от проделанной трудной работы.

– И этого тоже. Нам через завал не пройти, а по земле лошадь не вывезет, увязнет. Другой путь нужен. В обход придется топтать.

– Толкать будем, да и всё, – возразил Алексей.

– Всё равно. Проверю.

Павел вышел наружу и, оглядываясь по сторонам, направился к забору.

– Зря ты так, Сань. Он же пацан еще, по сути, – начал разговор Алексей, разминая уставшие ноги.

– Этот пацан мне башку чуть не снес. И щас где он? – уже спокойно как-то говорил Саша, не отводя глаз от Павла, который уже достиг забора.

– Может, убило его обломком стены там, а ты гонишь на него. Чего бы он автомат-то бросил?

– Да, на хрен ему вообще оружие? И даже если и так, тело где?

– Выпало и завалило, я же вперед рванул и не видел уже, что сзади творилось.

– Лёха, ты же знаешь: ни он мне не нравился никогда, ни дедуля его. Скользкие типы, оба. Вечно чё-то жрали по углам втихаря.

Саша отхлебнул воды и замолчал, не желая больше слушать друга. Но тот продолжал:

– Все равно, зря ты.

– Да мне по фигу, Лёха. Хорош уже.

Паша скрылся за углом длинного дома, повернув направо.

– Считаю лучше, – сказал Саша, пряча фляжку в подсумок разгрузки.

– Раз патрон, два патрон, три...

Алексей считал. Так было у них заведено еще с первой вылазки. Не терять из виду никого дольше чем на сто секунд. И если кто-то исчезал сверх этого времени, его опраивались искать, не дожидаясь возвращения. Саша ждал, что Павел вот-вот выйдет из-за дома с Геной, и тогда он ему ещё разок от души врежет, несмотря на запреты. А то, может, и пару раз, для профилактики.

– Шестьдесят три патрон, шестьдесят четыре патрон...

– Ну, давай же уже, выходи, – упрасивал Саша, но на набережной никто не появлялся.

– Девяносто один патрон, девяносто два...

– Я пошел, – не выдержал Саша, но на его плечо легла рука Алексея.

– Девяносто восемь патрон, девяносто девять патрон, сто.

Алексей убрал руку с плеча, и Саша, пригнувшись, рванул к забору. Осторожно, но быстро он добежал до него и, уже не спеша, подобрался к углу дома, но из виду скрываться не стал. Алексей с автоматом наготове следил за ним и глядел по сторонам, высунувшись наружу. Через минуту на набережной показался Павел. Вместе с Сашей они быстро зашагали обратно к складу.

– Никого там, и фонит ужасно. Не пройдем мы там.

Алексей ругнулся тихонько, а Паша продолжал:

– Идти придется в обход, сразу и без разведки, иначе на базу не успеем дотемна.

– Согласен, – кивнул Саша.

– Гену бросаем? – удивился Алексей. Он подошел к своему рыжему коню с огненной гривой и погладил его

– У тебя есть другое предложение? – нервно спросил Паша. – Я буду только рад, если ты найдешь выход, чтобы и Гену найти, и самим тут не сдохнуть!

Саша снова взорвался:

– Да нахер он нужен, блин! Нам теперь сдохнуть из-за него что ли? Я не собираюсь и вам не дам! Валим отсюда, мы свою задачу выполнили.

– Он один и до вечера не дотянет. Что Мите скажешь?

– Скажем, что геройски погиб. Автомат-то его у нас, – не унимался Саша.

– И что же доказывает наличие его автомата у нас? – презрительно спросил Алексей.

Павел облокотился на телегу и устало произнёс:

– Лёха. У тебя есть идеи?

– Искать. Если что и здесь заночуем.

– Да ты чего?! Посреди города спать!? Тут же твари кругом! – чуть не во всё горло заорал Саша.

Неожиданно, запищал дозиметр, и все сразу замолчали, присев на колени и направив автоматы на выход.

– Собаки? – уже перейдя на шепот, спросил Саша.

– Походу, да, – так же тихо ответил Павел.

– Дождались, мля. Чё теперь, блин? – спросил Саша и тихонько застучал указательным пальцем по ствольной коробке своего оружия.

– Или доорались, – спокойно сказал Алексей, сжимая рукоять автомата и явно при этом нервничая.

– Все из-за этого, блин. А ты ещё спать тут собрался, – выдохнул Саша, покосившись на Алексея.

– Саня, тихо! – шепотом крикнул Павел, не отрывая взгляда от угла дома.

– Где они, мля? Не вижу, – не унимался Саша.

– Лёха, держи мост. Это же как от них фонит-то, а?

Минуты текли в напряжении под негромкий треск счетчика. Собак не было видно до сих пор. Нервы натянулись до предела и, казалось, скоро лопнут, как струна. Даже лошади замерли в ожидании нападения и старались не издавать лишних звуков. Первым не выдержал Саша:

– Может я выйду и гляну, а?

– Ага. А потом тебя еще искать. Или тоже бросить? – тихо шепнул Алексей, не отрывая взгляда от моста.

Саша одарил его презрительным взглядом и собирался уже ответить, глубоко вдохнув. Но в этот момент из-за угла длинного дома справа, словно прогуливаясь, вышли семь здоровенных псов. Один за другим они неспешно шли по набережной и втягивали мордами воздух. Бойцы вжались в стены, держа наготове оружие. Собаки остановились и сквозь остатки забора смотрели в темноту склада. Самый большой пес, превышающий по размерам остальных, пристально всматривался, казалось, прямо в глаза бойцам.

– Тихо, парни. Спокойно. Откуда еще две-то взялись, пять же было? – испуганно шептал Павел, готовый в любую секунду открыть огонь.

Шерсть ключьями висела на собаках, открывая жесткую, цвета меди, кожу, под которой играли мышцы. Облезлые уши торчали почти у всех, прислушиваясь к каждому звуку. Слабый ветерок дул со стороны реки и бойцы чувствовали легкий кислый запах. Напряжение нарастало с каждой секундой. Павел видел, как блестели желтые глаза псов, как сталью играли мышцы на неприкрытых шерстью лапах. Ещё мгновение, и кто-нибудь не выдержит, лопнет струна натянутых нервов и кто-то начнет стрелять.

И кто-то начал. Кто-то стрелял, там, за рекой, с той стороны моста. Собаки резко рванули в сторону стрельбы и через несколько секунд счетчик умолк. Паша слышал собственное сердце, которое стучало прямо в ушах. Алексей облегченно, почти через стон, выдохнул и опустил автомат.

– Твою мать, – ругнулся Саша, вытирая вспотевший лоб дрожащей рукой.

Стрельба продолжалась, и довольно интенсивно. Били с нескольких стволов сразу, раз-мерно, короткими очередями.

– Кто стреляет-то? – спросил Алексей и глянул на Пашу.

– А я знаю? Лучше считаем стволы. Не помешает.

– Генка? Может, он?

– Саня, автомат-то у нас его. И стреляет не один ствол. Парни, считаем, – раздраженно ответил Павел и все замолкли.

Пальба грохотала еще минут пять и смолкла так же внезапно, как и началась. Мертвый город вновь окутало тишиной, нарушаемой лишь легким теплым ветром со стороны реки.

– Я четыре насчитал, – выдержав паузу, выдал Алексей.

– Тоже вроде четыре ствола. Ну, максимум, пять, – подытожил Саша.

– Значит, где-то за мостом, орудует группа побольше нашей. Хреново.

– Так это, наоборот, хорошо. Значит, ещё есть выжившие, – радовался Алексей.

– Ты чего, Лёха. А если они неадекватные? Мало ли. Их ещё и больше. Цивилизация-то кончилась. Может они по Генке нашему стреляли, – образумил его Саша и подошел к телеге, достал фляжку с крестом из подсумка и обращаясь к Павлу, спросил: Глотнем? Нервы успокоим и радиацию выведем. А?

– Вечером, на базе глотнешь. Валить надо отсюда, пока тихо.

Саша пожал плечами и убрал фляжку обратно, сопровождая все ругательствами.

– А Гена? Если это по нему били? – снова спросил Алексей, поправляя автомат на плече.

– Зачем по нему стрелять? Он не представляет никакой опасности. И я ему не нянька, и ты тоже не нянька. Там пять бойцов и семь псов, рисковать всеми нами из-за... Он знал, куда идет. И вообще, может, он действительно уже на базе сидит. Уходим, – жестко скомандовал старший.

Алексей, вздохнув, сел в седло, а Саша вскарабкался на телегу, придвинув автомат Гены к себе. Павел, оседлав кобылу, первым выехал наружу. Дойдя шагом до забора, он с тоской глянул в сторону своей шестнадцатизэтажки за мостом и повернул налево. Остальные последовали за ним, посматривая по сторонам.

Впереди виднелись чернеющие пасти глубоких воронок. Там, где когда-то стояли дома и жили люди, теперь зияла пустота. И радиационный фон стоял такой, что даже мутанты боялись подходить близко, а иные и вовсе, старались держаться подальше. Мост через небольшую речку был цел и плотно забит остатками транспорта. Группа, свернув налево, продвигалась в другую от моста сторону, по широкому проспекту, по которому еще можно было протиснуться с тяжелой повозкой. Петляя между машинами и обломками стен, Павел снова уходил всё дальше от родного дома, хотя его тянуло туда, словно магнитом. Необъяснимо тянуло, на уровне инстинкта. Но он гнал от себя эти мысли о доме, о маме.

Солнце светило поверх уцелевших крыш, и бойцы оставались в относительной тени. Полетному жаркий, но всё-таки осенний день перевалил далеко за полдень, и им нужно было поспешить, чтобы до заката успеть укрыться в здании базы на окраине города.

Перекресток, метрах в четырехстах впереди, ярко освещало солнце, и Павел сразу заметил движение. Он поднял руку вверх, и группа остановилась. Среди застывших навсегда машин кто-то двигался. Медленно, словно выискивая что-то или кого-то, копошился мутант.

– Что там? – спросил Саша, слезая с повозки и подходя ближе.

– Мут, мля. И здоровый, блин. Но нас пока не видит вроде, – тихо отвечал Паша, подавая сигнал Алексею, чтобы тот приблизился к ним.

– И чего делать-то теперь? Назад что ли, блин? – допытывался Саша.

– Нет. Там мы не пройдем. Подождем немного. Может, уйдет.

Подъехавший Алексей увидел мутанта и тихонько выругался.

– Сань, заведи телегу во двор справа. Лёха, глянь там же укрытие. Переждать надо, пока он не свалит по своим делам, – тихо скомандовал Павел.

Алексей, свернув во двор, направо между домами, позвал за собой Сашу, и тот, запрыгнув в повозку, покатил за ним, стараясь держаться в тени уцелевших домов. Павел, прижавшись к обгоревшему грузовику слева, пристально наблюдал за большим мутантом, ковыряющимся впереди. Что-то найдя под одной из машин, он без особых усилий опрокинул её на бок. Тишину нарушил скрежет металла по асфальту, от которого передернуло Павла. Мутант при-

нялся что-то жевать, присев за перевернутой машиной и тем самым спрятавшись от следящего за ним человека.

Паша глянул направо. Алексей стоял между домами с оружием наготове. Саши не видно, спрятался, но наверняка видит Алексея. Не терять друг друга из виду больше, чем на сто секунд – это главное правило всех вылазок. Алексей вопросительно глянул на Павла, и тот помотал головой, давая понять, что дорога по-прежнему не свободна. Минут десять ожидания ничего не изменили. Слабый ветерок как и прежде дул со стороны реки в спину Павла.

Монстр вышел слева, из-за машины, повертел головой и остановился. Около двух метров ростом, с очень длинными, до колен, руками. Одежда полностью отсутствовала, ноги составляли половину всего тела, и передвигался он достаточно тихо. Желтая кожа местами висела, как тряпка, обнажая мышцы. Человеческого в нем осталось немного, лишь внешнее сходство, да и то весьма отдаленное.

Мутант не уходил, принохивался и вертел головой на толстой шее, словно охотничья собака, выискивающая дичь. Резкий порыв ветра в спину Паши окутал его вспотевшее от напряжения тело приятной прохладой и стих, снова став лишь легким дуновением. Монстр, втянув ноздри этот предательский порыв, резко и быстро бросился в сторону Павла, ловко перепрыгивая через машины.

– Сука! – крикнул Паша, вскидывая автомат.

Выстрелы оглушили город, отражаясь от серых зданий проспекта. Мутант петлял и стремительно приближался к всаднику. Второй автомат ударил из-за угла дома. Редкие пули, попадающие в приближающуюся тварь, выбивали бурые брызги из ее тела, но не останавливали. Грузовик, к которому жался Паша, ограничивал обзор слева, и мутант этим воспользовался, скрывшись от его пуль. Но Алексей бил в цель короткими очередями. К нему уже подбегал Саша, на ходу открывая огонь. Пришпорив лошадь, Павел рванул во двор, когда мутант уже скрылся за грузовиком. Два автомата били куда-то за спину Паши, прикрывая его отход. Монстр, выскочивший сзади большегрузной машины, на мгновение потерял свою добычу, поймав несколько пуль в тело. Влетев между домами, откуда стреляли его друзья, Паша развернулся и сходу присоединился к ним, атакуя нападающего мутанта. Поняв, что «дичь» ему не одолеть, монстр скрылся за грузовиком, в который тут же ударило несколько пуль. Вновь повисла тишина, оглушая своей пустотой и пугая своей неизвестностью.

– Где он? – тяжело дыша, спросил Саша.

– Выйди и посмотри, – буркнул Алексей, перезаряжая автомат.

– Шутник, мля. Вот щас, ваще не смешно, – недовольно ответил Саша.

– Там он, не уходит, тварь, – сказал Паша, не отрывая взгляд от грузовика и меняя магазин.

– Понял, что нас так просто не взять, – злорадно усмехнулся Саша, облизывая пересохшие губы.

– Надо сваливать, пока еще кто-нибудь не прибежал на выстрелы, – констатировал Алексей.

– Полностью поддерживаю предыдущего оратора, – закивал Саша, вытирая вспотевшее лицо.

– Он так просто нас не отпустит. Валить его надо. Сколько патронов у вас?

– Четыре магазина, – быстро ответил Алексей.

– Пять, – кивнул Саша.

– И у меня так же, блин. Бить только прицельно, парни, – подытожил Павел то, что и так всем было понятно.

Боезапас ограничен, а до базы ещё далеко, и маршрут неизвестен и опасен. Город кишит голодными тварями. Обычная, казалось, вылазка, превращалась в борьбу за выживание.

Мутант не высовывался. Ожидание атаки напрягало, и Павел скомандовал:

– Хрен с ним. Пусть сидит там. Уходим по-тихому. Саня, давай в телегу, мы прикроем. Попробуем обойти по дворам.

Саша попятился назад, не отрывая взгляда от грузовика и, лишь дойдя до угла дома, повернулся спиной к друзьям. Быстро выглянув из-за стены, он скрылся, уйдя во двор налево.

– Лёха, давай за ним.

Алексей, не мешкая, в точности повторил за Сашей, и Павел, сидя верхом, остался один.

Обезумевшая голодная тварь словно только этого и ждала. Кузов грузовика покачнулся, издав металлический скрежет, и в этот же миг мутант атаковал, перепрыгнув через него. Грохот выстрелов снова разорвал мертвую тишину. Павел, дав длинную очередь, прищипорил кобылу и рванул во двор, где, уже вскинув оружие, ждали бойцы. Свернув к повозке, он в один миг домчался до неё, и друзья тут же открыли огонь. Мутант, выскочив из-за угла, напоролся на шквал пуль, но останавливаться уже не собирался, преследуя добычу. Павел, развернув лошадь, утопил спуск, но жуткий монстр с диким рычанием приближался. В метрах пяти от перепуганных бойцов его повело в сторону стены дома. Ноги подкосились, и он завалился набок, издав негромкий предсмертный рык.

– Сдох, сука! – торжествующе воскликнул Саша и поднялся с колена.

Алексей разглядывал убитое ими существо, оставаясь верхом и не приближаясь к мутанту. Саша, целясь монстру в голову, побрел к нему.

– Сань, уходим, – остановил его Паша и сам двинулся к трупку.

Лужа бурой крови вытекала из простреленного горла, растекаясь по грязному асфальту. Саша запрыгнул в телегу, и повозка покатила мимо тела, объезжая его на всякий случай. Алексей держал тварь, когда-то бывшую человеком, на прицеле. Телега прошла стороной и, свернув между домами, вышла на проспект, за ней выехал Алексей, и следом – Паша.

Двор остался позади, такой же мертвый, как и сам город. Обычный двор обычного мегаполиса, только после огненного дождя и долгой холодной зимы. Мир уже никогда не станет прежним. Апокалипсис, страшный и беспощадный, заселил его тварями, что пытаются сожрать выживших.

Продолжив движение по проспекту, группа направилась на запад, всё дальше отдаляясь от реки, чтобы затем уйти на юг, к базе. Где-то за спиной осталась «свечка», в которой когда-то жил Павел. Призрачная, смытая дождем прошлая жизнь снова стала недостижимой, словно далекий, забытый детский сон маленького мальчика по имени Павлик.

Глава 5

– Ты видел таких раньше? А? – спросил человек в грязном рабочем комбинезоне, выглядывая в выбитое окно подъезда.

– Таких нет, не видел. Поменьше, попадались. А таких здоровых не видел и больше не хочу видеть. Они больше на волков похожи, чем на собак. Жуткие твари. Хорошо, что свалили, – ответил второй, слегка поежившись.

– Не учуяли они их или не голодные что ли?

– Ага. Они все тут голодные, мать их. Патронов не напасешься их кормить, ёперный театр.

Во дворе жилого дома всё было спокойно. Ветерок гонял немногочисленную опавшую листву, задувая ее под остовы машин, припаркованных когда-то давно и не тронутых уже много лет. Иные, убитые недавно, так и валялись на дороге, распластавшись в смертельной агонии. Здоровущих псов видно не было, хотя тела тварей лежали как готовый обед.

– Эх, щас бы сучку, хотя бы одну, – минуту спустя мечтательно произнес тот, что помоложе и глянул на потолок, словно выискивая там кого-то.

– Были уже две. Так вы меня не слушали, придурки, – зло бросил второй, чуть постарше и выше ростом.

– Ну ты вспомнил, блин, – усмехнулся молодой, поправив автомат на коленях.

Они вдвоем сидели на лестничной клетке третьего этажа и наблюдали за двором. Оба были в потрепанных, выдавших виды рабочих комбинезонах, поверх которых разгрузочные жилеты (этакая смесь рабочего с воякой).

– Щас бы не страдал и не гонял бы лысого по ночам, – продолжал тот, что постарше, по-прежнему злясь на всё и на всех.

– А сам-то ты чё? – хохотнул второй, глядя на старшего товарища.

– Ничё, блин. Надо было меня слушать, они бы не вскрылись, и вы бы между собой не грызлись, как дикие, бабы ни разу не выдавшие.

– По одному в день у каждой? Это же месяц очередь, а то и дольше, – возмутился молодой и задумался.

– А щас, ты сколько ждешь? Сколько уже прошло? Двенадцать лет? Или уже тринадцать? Лучше уж месяц, – распаялся старший.

– Поздно орать уже, Тох. Вскрылись и вскрылись. Всё уже. Зато кормить их не пришлось. Сами еле дотянули.

– Хоть какой-то плюс, – вздохнул тот и оперся на стену.

– Неужели не выжил больше никто нигде? Одни мы, что ли в этом проклятом городе?

– Хрен знает. Мы уже много где облазили, а толку-то. Только твари одни кругом вечно голодные.

– М-да, – кивнул молодой и снова задрал голову вверх.

– Ты чего там ищешь то, Шмель? Девку? – глядя на потолок, спросил Тоха.

– Ага, блин. Хоть шуструю лови и трахай, мать её, – хохотнул Шмель и шмыгнул носом.

– Ну иди, поймай. А лучше двух.

– Тебе что ли вторую? – удивился тот.

– Тебе. Для групповых удовольствий. Пока одну трахаешь, вторая тебя жрет уже, как самка богомола, – улыбнулся Тоха.

Молодой скривился и переспросил:

– Самка кого?

– Богомола. Ладно, не вникай.

Шмель кивнул.

- Одну бы поймать. Но они же по одной не ходят.
- Ты всерьез что ли стал бы с шустрой? – удивленно спросил Тоха, нахмурившись.
- Лучше найти выживших, – отмахнулся Шмель.
- Может, и есть где-то, так хрен найдешь. Ещё и кормить их потом.
- И связанными держать, на всякий случай, – оживился молодой, словно уже нашел выжившую.
- Ничему тебя жизнь не учит. Запомни. Добровольное повиновение всегда лучше, чем насильственное.
- Это как? – не понял Шмель, и на его лице появилась маска мыслительного процесса.
- Об косяк, блин, – буркнул Тоха и глянул в окно, вставая и разминая ноги.
- А, ну ладно, – безразлично бросил второй, проделывая такие же движения.
- Жрать уже охота, ёперный театр, – недолго помолчав, в пустоту сказал Тоха и сел обратно, положив автомат на колени.
- А девки те, поварихами были?
- Крановщицами, вроде. Да и какая теперь разница-то. Вскрылись всё равно, из-за вас, дебилов. Затрахаили их толпой, придурки.
- А было бы круто щас повариху... Я помню, в училище у нас была такая, ух... Кровь с молоком, пятый размер, – мечтательно вспоминал Шмель и руками продемонстрировал перед собой женскую грудь, соответствующих габаритов.
- Пятый? Не хило. Не показывай на себе, а то вырастет.
- Ага. И задница такая, что не обхватишь, – продолжал вспоминать Шмель, убрав руки в карманы комбинезона.
- Все, хорош душу рвать, – оборвал его Тоха, сглотнув слюну.
- Молодой замолчал и посмотрел на квартиру, где сидели остальные, и спросил:
- Когда свалим-то уже? Задолбало тут сидеть без толку.
- А там какой толк? Кончилось человечество, всё. Теперь, вон они тут хозяева, – махнул рукой Тоха в сторону трупов убитых ими иных.
- Мы ещё постреляем их и поживем маленько.
- И что дальше-то? Патроны кончаются, хавчик тоже. Все. Хана этому миру. Может, и к лучшему...
- Ты чет скис, Тоха. Хотя, может, ты и прав. Может, это конец, – согласился второй.
- Может? Оглянись вокруг, Шмель. Ну протянем мы ещё какое-то время. Может, ещё кто-то где-то протянет. А толку? Всё, приплыли, ёперный театр. Финал у всех нас предрешен уже. Зачем мы вообще здесь? И вообще, какой во всем этом смысл?
- В чем? – не понял товарища Шмель.
- В жизни, в человечестве. Зачем мы здесь? Цепочка эволюции? Или пищевая цепочка? – тяжело вздохнув, размышлял Тоха, глядя в пустоту.
- Ты кем раньше был-то?
- Преподавателем. Философию в университете преподавал, – с тоской ответил Тоха.
- Оно и заметно, – хохотнул Шмель.
- Ничего смешного. Что дальше? Кто останется на планете? Эти? – махнул рукой философ в окно подъезда.
- Китайцы заселят всё. Их до хрена и больше.
- Точно. Эти могут, ёперный театр, – захохотал Тоха и его смех подхватило эхо, разнося по пустому подъезду.
- Тихо, тихо, – вдруг затараторил Шмель и Тоха тут же, оборвав свой смех, прислушался.
- Стреляют. Точно, стреляет кто-то. наших же нет там, только мы, вроде, – засуетился он, привстав.

– Еще выжившие, – обрадовался Шмель, буквально подскочив вслед за товарищем и вслушиваясь в далекие звуки стрельбы.

– Походу, да. Это не наши. С той стороны реки бьют, – согласился Тоха.

– Может, у них бабы есть и жратва? – оживленно бросил Шмель, и его глаза загорелись надеждой.

– Автоматы у них точно есть, ёперный театр. И своё просто так они вряд ли тебе отдадут, – осадил его Тоха, хотя и его глаза тоже блеснули огоньком.

– Надо Черепа будить, – бросил Шмель и рванул в приоткрытую дверь квартиры.

В одной из двух комнат с побитыми стеклами, осколки которых валялись на полу, находились еще двое. Развалившись на диване в углу у окна, они о чем-то мирно беседовали, периодически наблюдая в окно, занавешенное остатками грязных штор. Автоматы и надоевшие тяжелые разгрузочные жилеты лежали в кресле у шкафа, покосившегося от времени и непонятного теперь цвета. В соседней комнате с обвисшими обоями, на кровати, лежал ещё один человек. Он спал, и спал крепко, прикрыв седую голову черным кожаным плащом. Ещё вчера он сильно выпил и сейчас, в минуту отдыха, досыпал, мирно похрапывая. Автомат лежал на облезлой, с остатками лака прикроватной тумбочке и рядом с ним бинокль с треснувшим окуляром.

Пару часов назад они отбились от нападения стаи иных, истратив немало патронов и нервов. Но, увидев огромных псов, решили укрыться в ближайшем уцелевшем доме.

Их поиски провизии или хоть каких-нибудь припасов в очередной раз не увенчались успехом. Приближалась зима, и как долго она продлится на этот раз, они не знали. Запасы с военных складов давно закончились, за исключением небольшого количества тушенки, и существовать приходилось впроголодь. Облазив всю уцелевшую северную часть города и потеряв за лето нескольких человек, зачистив при этом территорию от тварей, они уже отчаялись найти что-то пригодное в пищу. Конечно, плоды деревьев и подножный корм давали необходимый минимум пропитания, но мяса они не видели с тех пор, как съели последнюю уцелевшую собаку.

Вбежавший с дикими глазами, сильно взволнованный Шмель, чуть не крича, разом закончил тихий час:

– Там стреляют! За мостом кто-то стреляет, мать их!

Мгновенно подскочив с места и бросившись к своей амуниции, один из сидевших на диване, скомандовал:

– Я бужу Черепа, Малой – к окну, Шмель – в подъезд к Тохе, и следите там за всем.

Шмель без промедления рванул назад и чуть не наскочил на бывшего преподавателя, который не отрываясь смотрел на трупы иных через оконный проем между вторым и третьим этажами.

– Смотри, – махнул рукой Тоха.

Обескураженный Шмель, широко раскрыв глаза, спросил:

– А это кто, мать его?

По двору, испуганно озираясь по сторонам, пробирался человек в камуфлированной одежде. Затравленной походкой, на полусогнутых ногах, он брел, обходя стороной парковку и трупы иных. Вид у него был испуганный и потерянный, словно он с трудом осознавал происходящее вокруг.

В разгрузке с боекомплектом, но без оружия, человек производил впечатление сумасшедшего или, как минимум, человека не в себе, не понимавшего куда и зачем он идет.

– Любезные, тащите его сюда. Побеседуем, – негромко, но уверенно сказал седой Череп, выйдя в подъезд.

Он держался спокойно и холодно, обведя хмурым мутным взглядом своих людей, которые тут же спустились вниз, выполняя приказ старшего.

Глава 6

Солнце клонилось к закату, прячась за верхушками деревьев, и в городе заметно темнело. Добравшись до базы на окраине, бойцы завели лошадей внутрь и развели костер. Телегу оставили снаружи, частично перекрыв ею пролом в стене. Бутыль с водой занесли внутрь, и через полчаса Саша, вновь назначенный дежурным по кухне, чем он был крайне недоволен, варил кашу.

Степаныч сразу после дождя сообразил запастись крупами в огромном количестве, объездив с Иваном на военном «Урале» уцелевшие продуктовые базы, склады и магазины города, не брезгуя брать даже лапшу быстрого приготовления и чипсы. Прокипятили мешки в соленой воде, высушили и насыпали в них крупы. Тащили тогда все, что могло долго храниться, и это помогло выжить двум десяткам людей, спасшихся на скотном дворе.

В первые холода забили большую часть скота и засолили мясо. Оставшихся крупнорогатых кормили заготовленным просушенным сеном, правда, в довольно небольшом количестве, так что те молока почти не давали, но зато выжили. Тем же сеном кормили и лошадей. Еще Степаныч, будучи действующим офицером вооруженных сил страны, сумел позаботиться об оружии и солидном запасе боеприпасов, и это сыграло не менее важную роль для выживания горстки людей. Потрудиться ему тогда пришлось немало, мотаясь в город почти каждый день.

Именно Степаныч с Иваном впервые столкнулись с последствиями катастрофы, накрывшей планету. Реальность была ужасающей: обугленные тела людей, валявшиеся повсюду; мародеры, коими они являлись и сами; разрушенный и темный город, освещаемый редкими солнечными лучами. Воздух мутнел, словно кто-то взбаламутил илистое дно чистого водоема. Тьма постепенно окутывала мир, засыпая его черным снегом вперемешку с пеплом, который еще долго витал в атмосфере, закрывая собой солнце. Планета погружалась в мрак и холод.

– Добрались. Можно и тяпнуть да, Паш? – спросил Саша, помешивая кашу.

– Не повредит, – согласился Павел, и Алексей, недолго думая, извлек из подсумка фляжку с крестом.

Саша проделал то же самое, изрядно отхлебнув из своей. Тепло приятно разливалось по телу, успокаивая нервы. Пострелять пришлось немало. Пять магазинов осталось только у Саши, у остальных по четыре. Темнело быстро, ночь вступала в свои права, окутывая мраком все вокруг.

– Что про Гену скажем? – закончив с кашей, спросил Алексей.

– Да так и скажем, блин. Свалил со страху куда-то и всё.

– Так нельзя, Сань. Если Степаныч и поймет, то Митя не поверит ни на грамм. Ещё и нас обвинит, что мы за ним не уследили, – возразил ему Алексей, пряча ложку в подсумок.

– Да и хрен с ним. И с его обвинениями тоже. Мы ему не няньки.

– Надо было поискать. Сгинет пацан, если уже не сгинул, – с сожалением проговорил Алексей и вздохнул.

– Искать, значит рисковать нами. Мы и так еле отбились. Как вспомню тварь ту и собак тех здоровущих, аж дрожь пробирает. Еще и стрельба, блин, непонятно чья и по кому.

Саша демонстративно поежился и сделал глоток из фляжки.

– Хорош, парни. Скажем, что геройски погиб, нас защищая. Митя поверит, а мы в следующий раз поищем его, – сказал Павел, устало зевая.

– Ага. Герой, блин, – сплюнул на пол Саша и ругнулся.

– Он до следующего раза не доживет. Мы неизвестно, когда сюда поедем, – сказал Алексей отрешенно.

– Скоро поедем, Лёха. Колючки много надо, – пытался успокоить его Павел.

– Всё равно, не дотянет он. Собаки, стрельба, не выживет.

– Лёха, блин! Вот чё ты предлагаешь!? Искать завтра!? – взорвался Саша, которому явно все это не нравилось, и он совсем не рвался рисковать ради Гены.

– Именно, Сань. Искать. Завтра с утра.

– Ты спятил Лёха. Ты точно крышку потерял, блин, – сказал Саша, постучав себя кулаком по голове.

Паша поднялся, разминая ноги, поправил бейсболку и спросил:

– Лёха. Ты точно этого хочешь? Мы потеряем день, и не факт, что найдем его. Плюс риск.

– Зато совесть чиста будет, – ответил Алексей и глянул на Сашу.

– Я против, – отрезал тот, и, поднявшись, вышел по нужде.

Павел молчал. Мысли путались в голове. С одной стороны, прав Алексей – нельзя бросать своих. Но, с другой стороны, и Саша прав, никто его не бросал, он сам убежал, и рыскать в поисках беглеца, действительно, опасно, особенно учитывая ограниченный боезапас.

– Что решим, Паш? – спросил Алексей, когда Саша уже не мог их услышать.

– Вы оба по-своему правы. В городе опасно. Ещё и стреляет кто-то.

– А может, они нашего беглеца и подобрали. Он мог на выстрелы пойти, думая, что это мы.

– Может, и подобрали, а может, и по нему стреляли. Такое тоже исключать нельзя. Но мы попробуем, Лёха. Только один день. Если не найдем, уходим. Согласен?

– Я именно об этом и говорю. И совесть чиста будет, и правду можно будет рассказать.

– Санёк не пойдет. Придется нам вдвоем с тобой, – скептически заметил Павел, глянув в сторону пролома, куда удалился Саша.

– Пусть колючку охраняет и сидит тут по-тихому, не высовывается, – заулыбался Алексей, радуясь такому раскладу.

– Кто охраняет? – переспросил Саша, войдя в здание и подходя ближе к костру.

– Ты охраняешь, – ответил Паша.

– Я первый, что ли дежурю?

– Ага. Первый, – весело ответил ему Алексей.

Саша нахмурился:

– Чё задумали? – недоверчиво спросил он, покосившись на Пашу.

– Мы с утра в город вернемся, поищем Гену, для очистки совести, так сказать. А там, кто знает? Может, и найдем.

– Да, вы чё, блин, с дуба рухнули оба? Seriously?

– Более чем, – закивал Алексей.

– Я против.

Саша рассержено смотрел на друзей, пытаясь понять, шутят они или нет.

– А ты с нами и не идешь. Остаешься здесь, охраняешь колючку и ждёшь нас, – ответил Павел, поглядывая в темноту.

– Чего? От кого её охранять то? От птиц что ли, блин? Вы точно упали оба. Нельзя разделяться.

– Мы уже разделились, Сань. Уже.

Павел и сам не горел желанием рыскать по городу, снова рискуя жизнью, но Алексей, да и совесть с жалостью к беглецу вынуждали его попытаться найти пропавшего юнца.

– А я, значит, тут один куковать буду. Да?

– Ты справишься. У тебя оружие и укрытие. Продержишься. Не Гена, к счастью, – ответил Павел и сладко зевнул.

– Я все равно против. Это уже не смешно, – спокойно и серьезно проговорил Саша.

– Ты Борю помнишь? – спросил вдруг Алексей.

– Помню, конечно, но он-то тут при чём? – не понял Саша.

– Ты Иринку видел, когда мы его частями выгружали? Слышал её рев?

– Борю мутант разорвал, когда он стрелял в него, а не убежал с перепугу штанишки обмочив. Боря – боец, он бился рядом с нами, не отступил, и на его месте любой из нас мог оказаться. Хоть ты, хоть я, или Пашка. А у Гены свои причины были свалить, страх называется.

– У него есть дед. И я не хочу больше слышать этот рев, – стоял на своём Алексей.

– Хватит. Мы завтра идем на поиски, а ты остаешься здесь, нравится тебе это или нет, – прервал Павел их затянувшийся спор.

– Хрена вам лысого. Я вас одних не отпущу, блин. Вас тоже ждут обратно. Как я людям потом в глаза посмотрю, если вы к вечеру сюда не явитесь? Чё я Свете и Полине потом скажу, а блин? Так что я с вами. Но я ему потом врежу, Паша, не удержишь. Врежу как следует, от души и возможно, блин, не раз.

– Врежешь, врежешь. Тебя не остановить уже, – улыбнулся Павел, довольный таким поворотом.

– Вот и ладушки. Значит, все вместе и пойдем завтра. Может, и найдем пацана нашего, – подытожил Алексей.

Глава 7

Утро выдалось пасмурным, но теплым. Легкий туман, выползая из краснеющего леса, дымкой стелился над городом и, переваливаясь через развалины, уплывал на север. Серые, поросшие мхом, черные выгоревшие здания укрывались этим маревом, словно одеялом, оставляя лишь верхние, не разрушенные дождем этажи возвышаться над проплывающим внизу туманом.

Наспех перекусив и выразив недовольство погодой, три друга отправились в город, намереваясь найти пропавшего беглеца. Автомат Гены спрятали между кирпичами рухнувшей стены, телегу забросали ветками, чтобы та не привлекала лишнего к себе внимания. Маршрут выбрали вчерашний, надеясь встретить пропавшего юнца ещё до склада, врезать ему и привести на базу вместе с синяками. И никого уже особо не беспокоило, что потом по этому поводу скажет Степаныч, и уж тем более не волновало мнение Мити.

Собак ночью не было, по крайней мере, счетчик Гейгера не извещал об их приближении. Поэтому Павел и Саша надеялись по-быстрому обогнуть квартал и вернуться назад к обеду. Но Алексей был настроен гораздо серьезнее своих товарищей. Он не просто собирался искать Гену, он собирался его найти.

– Как ни крути, а он пацан совсем, да к тому же свой. Да, парень испугался и убежал, а возможно, что он всё-таки что-то увидел вчера у реки, когда напали иные, – говорил он Саше, который лишь отмахивался от этих слов, не желая сочувствовать беглецу.

– Увидел, не увидел, – не важно, блин. Он свалил, и по морде своё отхватит.

Дойдя до шоссе, группа свернула к автобусу, от него направо, к реке, и направилась вдоль берега к детской площадке. За ней – лесопосадка, где ещё вчера лежали распластанные трупы иных. Сегодня, сутки спустя, остались лишь следы больших лап и обглоданные кости, разбросанные по всей лесопосадке.

– Собаки те их сожрали, что ли? – озадаченно глядя на землю, спросил Саша.

– Похоже на то. За нами шли и покушали плотненько, – ответил Павел, озираясь вокруг.

– Вот тут он и обделался. Может, берег осмотрим? – глянув на друзей, спросил Алексей.

– Тоже обделаться хочешь? – ехидно улыбаясь спросил Саша.

Тот, не обращая внимания на издевку, вопросительно посмотрел на Павла, который одобритительно кивнул. Алексей повернул коня к реке, и старший проследовал за ним сквозь редкие обгоревшие деревья.

– Будь здесь, контролируй, – сказал он, проезжая мимо Саши, и тот, не особо рвавшийся вообще искать беглеца, остался на месте, поглядывая по сторонам.

Алексей выехал на берег, что находился за невысоким каменистым пригорком, и глянул на черную воду. Река неспешно текла на север, огибая небольшой черный камень на том берегу. Лес на той стороне также не вызывал никаких подозрений и уж тем более беспричинных страхов. Ничего необычного впереди не было, и подъехавший Павел так и подметил:

– Ничего такого не вижу, вроде.

– Я тоже не вижу, – согласился Алексей.

– Чего же он так сильно испугался вчера? Он ведь в сторону иных даже не смотрел вроде бы. А в штаны наделал.

– Вот и я не понимаю. Поехали, нет его здесь. Здесь вообще ничего нет, – бросил Алексей и развернул коня.

Вернувшись к Саше, который вертел головой контролируя обстановку, группа двинулась дальше, выехав на набережную. Впереди уже виднелся рухнувший дом, чуть не похоронивший их вчера вместе с лошадьми. Вдруг неожиданно для всех запищал дозиметр.

– Началось, блин, – выдохнул Саша.

Все остановились, вскинули оружие и, крутясь в разные стороны, ожидали атаки псов или других тварей, коими кишел мертвый город. Но на них никто не нападал. Через несколько секунд счетчик затих.

– Ничего не понял, – растерянно произнес Павел и осторожно на несколько метров продвинулся вперед.

Гейгер молчал. Павел махнул рукой, и бойцы подъехали к нему, вглядываясь в полуразрушенные здания квартала.

Всплеск воды нарушил тишину одновременно с дозиметром, и все направили автоматы в сторону реки. Счетчик продолжал пищать все сильнее, и всплески воды становились громче. Спины парней покрылись холодным потом, напряжение нарастало вместе с шумом воды, за которым уже не было слышно треска дозиметра. Лошади, обычно спокойные и не напугавшиеся даже мутанта, занервничали и, казалось, вот-вот сорвутся в галоп. Леденящий первобытный страх окутывал всех шестерых, заползал в каждую клеточку тела, проникал в самое сердце и сковывал движения, затуманивая разум. В горле першило от приторно сладкого привкуса и дышать становилось труднее. Шум воды нарастал, становясь всё ближе и обволакивая...

Сколько это продолжалось никто не знал. Минуты улетали в вечность и терялись в бесконечности течения тихой реки. Затем все резко стихло. Только сейчас, придя в себя, бойцы поняли, что жмутся к стене дома, подальше от берега. То ли лошади, умные животные, сами убрались от опасного места, то ли люди подсознательно ушли, даже не понимая того. Но они жались к дому, который был метрах в ста от пугающей черной воды. Переглядываясь между собой испуганными глазами, друзья молчали, пытаясь осознать произошедшее.

– Я не буду его бить, – нарушил молчание Саша, восстановив дыхание.

– Что? Кого бить? – Павел слегка тряс головой, словно вытряхивая из неё остатки воды.

– Гену не буду бить. У него были все основания перепугаться, – тихо говорил Саша, будто Гена мог услышать его.

– Я чуть не сдох, мля. Мне так страшно ещё никогда не было, – соглашался Паша, осматривая себя и свою лошадь.

– Поехали отсюда, – тихонько пролепетал Алексей, в глазах которого всё ещё читался ужас.

– Поддерживаю, – согласился Павел.

– Что это было, а? – спросил Алексей, отходя от шока.

– Даже не собираюсь выяснять, Лёха. Ни за что. Обойдем упавший дом по двору, через школу. Я к реке больше не приближусь, – ответил Павел и направил гнедую кобылу налево, во двор.

Остальные последовали за ним, опасливо оглядываясь в сторону реки.

Двор был сплошь завален обломками рухнувших зданий вперемешку с остатками машин. Кое-где, сквозь грязь и бетон, пытались прорасти небольшие кустарники и деревца, преодолевая тяжелый путь к солнцу. Осторожно шагая к школе, которая виднелась впереди, бойцы вели лошадей за собой. Пробираться через груды бетона и битого кирпича оказалось не просто. Спотыкаясь и матерясь, группа упорно двигалась к цели, рискуя напороться на торчащую повсюду арматуру. Через полчаса во двор школы вошли взмокшие люди и лошади, остановившись передохнуть.

– Как искать-то будем, если к берегу не ходить? – переживая за беглеца, спросил вдруг Саша, чем поразил остальных.

Алексей с Павлом переглянулись, не скрывая удивления, и это не ускользнуло от Саши.

– Да хорош. Я же сказал, что у него были все основания свалить. Я сам там чуть не обделался, блин.

Алексей пожал плечами и осмотрел двор.

– Как-то придется идти, – констатировал Павел.

– Нам на ту сторону надо. Там стреляли, он мог туда рвануть, – напомнил Алексей, и Павел резко изменился в лице.

– Паш, ты чё, а? – взволнованно спросил Саша.

– Нормально всё, – отмахнулся Павел, хотя идти к дому ему совсем не хотелось.

Он не боялся увидеть дом, наоборот, он мечтал снова войти в свою квартиру на седьмом этаже и выглянуть в окно из своей комнаты. Увидеть с высоты знакомый двор и детскую площадку. Пусть даже разрушенную, уничтоженную, но родную, до боли в сердце свою. Качели, где качался после школы, футбольное поле, на котором гонял мяч с местной детворой. Беззаботное детство кануло в никуда, оставив Павлика, маленького мальчишку, на качелях, в далеком и, казалось, уже несуществующем никогда прошлом.

– Может, покричим его? – вернулся в реальность Павел.

– Да за мостом он. Больше нигде. Чего тут орать? – возразил Алексей.

Саша, словно точно поняв, куда делся пропавший юнец, вдруг выдал:

– А может, сожрала его она?

– Кто она? – не понял Алексей, удивленно глянув на товарища.

– Река, – перешел на шепот Саша и продолжил: – Он же мог к ней побежать. Я вот, если честно, не помню, как я у дома того оказался.

– И я не помню, – закивал Павел, глядя на Алексея.

Тот молча кивнул и глянул на своего коня.

– Думаешь, лошади? – догадался Павел.

– Ну, не исключено. Либо инстинкты сработали.

– Значит, идем через мост, на тот берег? – спросил, по-прежнему шепотом, Саша.

– Идем. И не забываем: там могут быть минимум четверо с автоматами. И хрен их знает, что у них на уме и по кому они вчера стреляли. Если случится потеряться, то встречаемся на этом складе или на базе на окраине, – инструктировал Павел, обводя взглядом друзей.

Те закивали головами, соглашаясь, и оседлали коней. Павел нехотя последовал их примеру и запрыгнул на свою гнедую.

– Страшновато как-то снова приближаться к реке, – промямлил Саша и недоверчиво глянул в сторону тихой, но ставшей теперь страшной речушки.

– Тут ты прав, Санёк, – согласился Павел и направился вдоль складского забора к набережной.

Лошади вели себя спокойно, бодро шагая мимо склада. Оставив его по левую сторону, группа осторожно вышла к дому, где раскинулась набережная улица с остатками асфальта и рухнувшим вчера домом. Счетчик молчал, и это ненамного, но все же успокаивало. Свернув по тротуару налево, бойцы двинулись к мосту, за которым вчера стреляли. Движение здесь, когда случился вселенский апокалипсис, было более плотным, и ржавого металлолома становилось больше. Приходилось петлять между машинами, стараясь не зацепить их, не пораниться самим и не покалечить лошадей. Ехали колонной, сохраняя дистанцию до впереди идущего около десяти метров. Первым шел Павел, разведывая ранее неизвестную дорогу. За ним держался Саша, постоянно косясь на речку, и замыкал колонну Алексей, контролируя тыл.

Река справа, метрах в пятидесяти, как и прежде неспешно убегала на север, неслышно журча черной водой. Лес на той стороне постепенно редел по мере приближения к городским высоткам. Спальный, когда-то престижный район сейчас ничем не отличался от остального города, побитого дождем. Смерть уравнила всех.

Широкий мост впереди незыблемо возвышался над рекой – архитектурное творение рук человеческих над творением природы. Человек считал себя главнее и важнее, но дождь и время взяли свое. Планета, оживая, забирала отнятое у неё за тысячелетия. Венец природы теперь лишь жалко побирался на остатках цивилизации, оказавшись лишним на Земле. Безжалостный к природе прогресс, дал задний ход и покатился в пропасть небытия. Нет больше гад-

жетов и понтов, телевизоров и компьютеров, машин и прочего хлама, совсем ненужного для выживания. Все развитые мировые технологии не спасли человечество от огненного дождя, накрывшего планету смертью. Одежда, еда и патроны – вот, что сейчас имеет ценность. Вот, что нужно сейчас для выживания.

Глава 8

Группа пробиралась к мосту, подгоняемая легким осенним ветерком. Шестнадцатизэтажка Павла уже хорошо была видна, возвышаясь над другими десятиэтажными домами, которые не снесло ударной волной. Казалось, что Паша видит родные окна седьмого этажа и мысленно уже жмет кнопку дверного звонка. Воспоминания часто одолевали его, рисуя живые, но размытые картинки в голове.

Перед мостом бойцы остановились и переглянулись, не произнеся ни слова. Ржавые куски металла, бывшие когда-то престижными и не очень респектабельными автомобилями, загромождали путь. Лишь слева, по пешеходной части моста, была возможность протиснуться на лошади. Туда и направил Павел свою гнедую, а за ним двинулись и остальные. Река больше не пугала, наоборот, размеренный и тихий бег воды внизу успокаивал, умиротворял, усыплял. Метров триста моста закончились быстро, хоть бойцы и не расслаблялись ни на секунду. Многоэтажные дома касались пасмурного осеннего неба. Туман потихоньку отступал, рассеиваясь в воздухе и заметно улучшая видимость. Заваленные столбы линий электропередач с оборванными проводами перекрывали выход с моста на уровне головы лошади. Павел спешил и, пригнувшись, повел за собой гнедую.

Эта часть города мало чем отличалась от других районов. Такие же полуразрушенные серые дома и черные выжженные магазины, сгоревшие автомобили, грязь и человеческие останки. Слева дорога уходила во дворы жилых кварталов, и группа направилась между домами, снова оседлав лошадей. Въезд во двор между двух десятиэтажек перегородил перевернутый автобус, направив в небо черные диски обгоревших колес. На смятой крыше лежала груда человеческих костей, что было уже обыденным для глаз. Не пугало, не отвращало, просто стало для всех выживших нормой. Когда растаял многолетний снег, иные и мутанты обглодали гниющую плоть с трупов, которые не сгорели в прах, оставив кости белеть на солнце.

Подъехав к автобусу, бойцы остановились, вглядываясь во двор.

– Ну что, орать будем? – спросил Саша.

– Нельзя. Опасно это, – возразил Павел и, указав за автобус, добавил: Надо попробовать прочесать дворы.

– А чего искать? Гильзы?

– Сань. Какие нафиг гильзы? Трупы. Они ведь не в небо стреляли, – сказал Алексей, пожившись от ветра.

– Трупы обглодать уже могли. Собаки-то сюда побежали. Знают видать, что где стрельба, там и еда, – резонно заметил Саша и вопросительно глянул на старшего.

– Осмотрим пару кварталов, может, он прячется где-нибудь и сам нас увидит, – решил Павел и указал на свой дом, который находился в соседнем дворе, справа от автобуса.

– Ага, выйдет. Река его сожрала уже, – буркнул тихонько Саша, глянув на неё с опаской.

Павел одарил его укоряющим взглядом и продолжил:

– Не разделяемся, не торопимся. Смотрим, что-нибудь полезное заодно. Вон та свечка – ориентир. Доходим до неё – и назад с чистой совестью.

Алексей согласно закивал, понимая, что фраза о чистой совести обращена именно к нему.

– Смотрим в оба глаза. Пошли, – закончил Павел и протиснулся между автобусом и домом.

Двор элитного когда-то жилья ничем не отличался от обычного. Груды металлолома, обломки стен, кости, грязь. Всё как и в других дворах. Кое-где попадались деревья и кустарники, некоторые еще с листьями, но уже пожелтевшими. Следов никаких видно не было. Ни гильз, ни трупов. Ничего. Только ветер гонял опавшую листву по пустым дворам, окончательно

разгоняя туман. Впереди, посередине двора, стояло одноэтажное большое здание с припаркованными рядом несколькими машинами.

– Магазин, похоже, – догадался Алексей.

– Осмотрим, – кивнул Павел и повел группу вперед, к парковке.

В чернеющих проемах витрин виднелись серые металлические стеллажи, рядами стоящие по всему магазину с отсутствующими дверьми. Павел слез с лошади и, держа наготове автомат, вошел внутрь. Обгорелые стены и пустые стеллажи не предвещали ничего полезного. Отсюда давно все вынесли, и это было заметно сразу, но спрятаться человеку здесь было где. Под ногами предательски хрустели осколки стеклянных витрин и стен, хоть Паша и старался не наступать на них. Пройдя между рядами стеллажей, он остановился и прислушался. Тишина. Мертвая тишина, которая давит на уши, и пустота. Паша уже собрался уходить назад, убедившись в отсутствии человеческих следов, как вдруг где-то в пустоте торгового зала что-то хрустнуло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.